

ВИКТОР ЗАЙЦЕВ

ОБРАТНОЙ
ДОРОГИ НЕТ

Обратной дороги нет

Виктор Зайцев

**Дранг нах остен по-русски.
Обратной дороги нет**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зайцев В. В.

Дранг нах остен по-русски. Обратной дороги нет / В. В. Зайцев —
«Издательство АСТ», 2019 — (Обратной дороги нет)

ISBN 978-5-17-114282-7

Наши современники, туристы, сплававшие весёлой компанией по уральской речке Куйве в рамках «тура выходного дня», оказываются в середине XVI века. Часть компании решает добираться в Москву, полагая, что только там смогут применить свои знания с должным успехом. Эти оптимисты надеются занять достойное место на Руси, либо в Европе, если повезёт. Другие их собраты по несчастью, более битые жизнью и давно ставшие пессимистами, остаются в пограничном селении. Они знают историю с географией, давно не верят властям. Потому решают первым делом защитить себя и своих близких, благо умеют работать руками, не боятся трудностей и обладают кое-какими навыками. Защитить не только от башкирских и татарских набегов, но и от строгановских подручных, от голода и холода предстоящей зимовки. Тем более что кроме пары топоров, бензопилы и кое-какого инструмента, у туристов ничего нет. Ни оружия, ни денег, ни тёплой одежды...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-114282-7

© Зайцев В. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Зайцев
Дранг нах остен по-русски.
Обратной дороги нет

© Виктор Зайцев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Всех гуманитариев и теоретиков прошу не возмущаться, не писать, что упомянутые в книге взрывчатые смеси не так горят и созданное главными героями оружие не так стреляет. Подробные формулы горючих смесей и порохов я не привожу по причине понятной, хватает идиотов-террористов и без моих инструкций. Что касается стреляющих самоделок, все они списаны с работающих образцов, в изобилии изготавливавшихся мной лично и моими друзьями в отрочестве, а позднее подобные изделия сотнями изымали мои знакомые следователи и оперативники. Причём изготавливали револьверы и самодельные ружья, как правило, в домашних условиях, выпускники технических училищ, отнюдь не высокого интеллекта и не имеющие золотых рук.

Аналогичные комментарии могу высказать относительно самодельных двигателей внутреннего сгорания. Сам видел, как знакомые такие самоделки лепили из фабричных деталей, используя лишь блоки цилиндров. Всё остальное было переделанным, расточенным и просто самодельным, включая карбюраторы и свечи. Для молодых теоретиков подобные вещи могут показаться невероятным хвастовством, но я выходец из советских времён, когда всё умели делать своими руками. Поскольку в большинстве городов России, кроме Москвы, ничего купить было нельзя. Мы вынуждены были на-учиться всему: переплетать книги, делать аквариумы, варить любые клеи и замазки, ремонтировать своими силами всю бытовую технику, с изготовлением сгоревших частей, вплоть до перемотки трансформаторов вручную. О таких мелочах, как изготовление и перетяжка мебели, остекление окон и балконов, самодельные радиоприёмники и передатчики, строительство домов и бань, от фундамента до крыши, выкладка печей, изготовление самогонных аппаратов из подручного материала и многое другое, упоминать не буду.

До сих пор добрая половина мужиков в русской провинции умеет всё это и многое другое, о чём я и не знаю наверняка. Поэтому убедительно прошу читателей не волноваться, воспринимая изготовление описанных изделий эпическим подвигом. Уверен, подлинные провинциальные мастера посчитали бы мои описания детским подражанием.

Глава 1

Проснулся Николай от ощущения опасности, как это бывало с ним не раз. В палатке спокойно похрапывали соседи, справа, на ткани, отражались сполохи тлеющих углей костра. Недалеко мирно журчала речка Куйва, в лесу орала какая-то птица. Шума шагов или разговора не было слышно, но ощущение опасности не отпускало. Стараясь не шуметь, Николай натянул штаны, кроссовки и выполз из палатки. Так и есть.

К костру подходили трое оборванцев с палками в руках.

– Просыпайтесь, живо! – толкнул своих соседей по палатке мужчина и выпрямился, направляясь к незнакомцам. Те бесцеремонно проверяли стоящие рядом эмалированные вёдра с остатками ужина, половником зачерпывая кашу со дна.

– В чём дело? Кто такие? – командирским голосом окликнул чужаков Николай, не показывая торопливости, но довольно быстро приближаясь к костру. Внешний вид бродяг всё больше не нравился ему. Мало того что трое посторонних мужчин были одеты в непонятные замшевые или меховые изделия, разбудившие в глубинах памяти слово «кухлянка», так еще у двоих чужаков на плечах висели луки, колчаны со стрелами. Третий держал в руке настоящую пику с тёмным древком, выдавшим виды. А за поясами всех троих явно были заткнуты топоры. Но не только это насторожило Николая, а спокойное равнодушие уверенных в себе душегубов, с каким к нему повернулись неизвестные. Они были так уверены в себе, что молчали, поджидая, пока Кожин подойдёт ближе.

– Кто такие? – ещё громче повторил турист, подавая друзьям в палатке сигнал поторопиться.

Вместо ответа один из чужаков молча ударил его копьём в живот. Равнодушно, без всякой угрозы, словно мясо резал. Однако бил стальным наконечником во всю силу, что помогло провести приём, как на экзамене. Кожин правой рукой отбил копьё в сторону, мгновенно скользнул к противнику, вставая сбоку впритык. Левая рука привычно толкнула чужака в бедро, а правая ладонью уже наносила сильный удар в лицо, ломая носовые хрящи. Подножка завершила связку, а Николай уже наносил следующему чужаку удар выхваченным копьём, но не лезвием, а противоположным концом древка, в солнечное сплетение.

Третий, оставшийся на ногах, не успел ничего сделать, а древко уже било его с разворота по затылку. Привычно отскочив в сторону, Николай осмотрелся на поляне. Из палатки выбирались его друзья, не попадая ногами в кроссовки. Других пришлых поблизости не было, лишь три котомки лежали у подножия огромной ели. Выходит, чужаков было лишь трое, это радовало.

Не прошло и трёх минут, как к связанным злодеям вышел из своей палатки Павел Аркадьевич, руководитель тургруппы, самый старый среди туристов. Он недоверчиво проверил пульс у связанных людей, все были живы. Затем присел, рассматривая выложенные у костра трофеи. Пока он сидел и перебирал топоры, колчаны, затем отошёл к котомкам и высыпал их содержимое на траву, разглядывая, туристы просыпались. Многих разбудил разговор и шум, другие просто привыкли рано подниматься. Шёл второй день плавания, никто не успел устать, да и накануне практически не пили, попрятались в палатках от моросящего дождя сразу после ужина.

Добрых полчаса ушли на разъяснение всем ситуации со связанными чужаками. Учитывая, что никто из троих незнакомцев не отвечал на вопросы, а взгляды исподлобья пугали своей дикостью, большинство туристов склонялось к двум вариантам. Либо это троица обкуренных туристов-реконструкторов, игравших в покорение Сибири Ермаком, либо это перепившие до очумения бомжи из соседних деревень, заброшенных с разгулом демократии. В обоих вари-

антах оставалось ждать, пока хулиганы оклемаются и придут в себя. Развязывать их никто из туристов даже не предлагал, выслушав рассказ Николая.

Туристы занимались утренним туалетом, не обращая особого внимания на связанных хулиганов, благо те молчали, зыркая по сторонам. Народ в этом сплаве подобрался спокойный, многие сплавлялись не первый раз и были знакомы. Новичками оказалась группа врачей, как в шутку называли семерых мужчин, женщин с детьми, плывших на одном катамаране, они как раз ещё спали. Николай с друзьями принялся разжигать костёр, поставил кипятить воду в двух чистых вёдрах, затем пошёл к лесу, взять пару отпиленных вечером тюлек на дрова. Тут его и шарахнуло, да ещё как!

Лес был другой! Не вчерашний, исхоженный туристами перелесок, с белевшими повсюду туалетными бумажками и пеньками от спиленного сухостоя. Лес стал нетронутым, без единой тропинки и следов цивилизации. Более того, почти все деревья были в два-три обхвата, а некоторые явно превышали два метра в диаметре. Таких реликтов Николай не видел за все свои годы путешествий по Уралу. Да, собственно, и в жизни не видал подобного. Причём на другом берегу Куйвы стоял точно такой же, невероятный лес. Да и Куйва была иная, нежели накануне. Нет, на берегу мирно лежали вытасщенные вечером катамараны, вёсла, прочее туристское барахло. Так же бурлила мелкая и прозрачная река, но её дно! Своим сглаженным веками галечным покрытием оно нисколько не напоминало острые камни вчерашней Куйвы, дважды и трижды пропаханной драгами от устья до истока. Большую часть двадцатого века многочисленные драги перепаживали уральские речки, добывая сначала золото, потом платину, а после Отечественной войны и алмазы. Что характерно, на некоторых реках добыча алмазов прекратилась лишь после распада Союза.

Но самое большое удивление вызвал огромный непуганый таймень, едва не заплывший в эмалированное ведро, что споласкивал Николай от вчерашней каши. Здоровенная, почти метровая, рыба лениво хватала комки каши, а вокруг неё крутились стайки немаленьких рыбёшек граммов по двести-триста, подбирая остатки. И это в промышленном, изъезженном туристами вдоль и поперёк регионе, где о тайменях и забыть успели!

– Мама, смотри! – Восемилетний Рома показывал на противоположный берег. Там на скалах неторопливо и грациозно спускались к воде косули, добрая дюжина, под присмотром седого самца, увенчанного огромными рогами.

– Горные козлы, – машинально вырвалось у Николая.

Косули заметили людей, но продолжали спускаться к реке, только чуть ниже по течению, метрах в двухстах. Словно это расстояние могло спасти от меткого выстрела из ружья или винтовки. Видно было, что людей животные побаивались, но не принимали всерьёз. Все эти странности наводили на нехорошие мысли, с ружьями в этих краях никто не охотился. Впрочем, у туристов всё равно никакого огнестрельного оружия не было. Похоже, что это понимали и другие звери. Потому что на противоположном берегу, словно на демонстрации, появлялись один за другим – лисица, одинокий лось, выдра, медвежонок-пестун, рысь. Потом прилетели две огромные цапли, за ними с неба наблюдали настоящие орлы, а вдоль берега пронеслись три лебедя.

За завтраком туристам нашлось много тем для разговора. Но главный вопрос – где мы оказались? – боялись затронуть все, словно опасались сглазить. Женщины нервно косились на трёх повязанных аборигенов, мужчины мрачно озирались, лишь дети привычно шалили, не догадываясь, что не вернутся в свои школы никогда. Наконец, отправив дежурных мыть посуду, мужчины собрались вокруг Павла Аркадьевича, формального лидера и руководителя турпоездки. Некоторые нервно закурили, но все напряжённо смотрели на главного туриста, не решаясь высказать наболевшее.

– Полагаю, все поняли, что мы немного сбились с маршрута? – мягким голосом начал разговор Павел Аркадьевич. Он достал из походного планшета свои туристские карты, более

похожие на рисунки, и разложил их на раскладном кухонном столике. – Думаю, что мы по-прежнему плывём по Куйве. Если это так, впереди будет два заметных бойца¹, вот здесь и здесь, за ними справа впадает небольшой ручей. Через полчаса плавания мы сможем это проверить точно. Но судя по местности, так и будет.

– Другой вопрос, в какое время мы попали? Глядя на природу, явно в прошлое, в доде-мидовские времена. Потому что с начала восемнадцатого века на Куйве уже плавили железо и добывали уголь, вырубали леса. У двоих хулиганов, что напали на Николая, я в поясах нашёл вот что, – на ладони Павла Аркадьевича лежала горсть монет из серебра и меди. Даже на взгляд дилетантов было понятно, что монетки весьма примитивные и на цивилизованные времена надеяться бесполезно.

– Самые поздние монеты относятся к временам Ивана Четвёртого, Ивана Грозного то есть, – пояснил главтурист. – Я по образованию историк, старые письма читать не разучился. С учётом этих фактов, мы попали в период от середины шестнадцатого века до конца семнадцатого столетия. Уточнить можно у пленников или в ближайшем русском селении.

– А они будут, русские селения? – напряжённо спросил стоматолог Алексей, набравший в турпоход целую команду знакомых врачей.

– Как не быть, будут. Спустимся до реки Чусовой, по ней доберёмся до Камы. На берегах Камы русские живут с восьмого-девятого века, а в устье Чусовой – века с пятнадцатого. Так что обязательно будут русские селения. Другой вопрос – что с нами там сделают?

– В каком смысле? – удивились все мужчины.

– В прямом смысле. Одеты мы странно, говорить по-здешнему не умеем, документов нет, оружия нет, денег нет, православных молитв не знаем. Вывод – бродяги или беглые холопы, а то и шпионы заграничные. В любом случае либо казнят после пыток, либо в поруб посадят, пока сами не сдохнем. Ну, это мужчин только. А женщин и детей похолопят либо на потеху кому отдадут. Такие времена, такие нравы!

– Что же делать?

– Пока не знаю. Надо думать. – Павел Аркадьевич поднялся с чурбака, на котором сидел, и кивнул на пленников. – Кто мне поможет их допрашивать?

Общий взгляд большинства мужчин остановился на двух друзьях – Николае и Толике, оперуполномоченных уголовного розыска в одном из райотделов Перми. Два тридцатилетних майора слыли душой компании и сплавлялись уже третий год. Они равнодушно кивнули и подхватили под руки самого молодого пленника. Он не шёл, а висел на руках полицейских, однако молчал. Под руководством Павла Аркадьевича Коля с Толиком понесли злодея за ближайшие кусты, разговаривать по душам.

– Сейчас он в убийстве Кеннеди признается, болезный, – съязвил Алексей, как многие интеллигенты, недолюбливавший офицеров. Вместе с друзьями он присел у кострища в ожидании результатов.

– А я попробую рыбачить, похоже, время есть... – Петро, военный строитель, подполковник, выжидательно взглянул на приятелей.

– Мы с тобой, – легко отозвались двое его земляков, инженеры из Перми. Все трое споро собрали бамбуковые удочки, лежавшие на берегу, прихватили наживку, направляясь вверх по течению реки. Не прошло и пяти минут, как три рыбака скрылись за береговой излучиной.

– Тяпнем по писярику? – Алексей, похоже, вчера перебрал и мучился похмельем.

– Нет, брат, чую, алкоголь надо побережь, – Валентин, военврач, хмуро потёр виски и полез в карман за таблетками от головной боли. Проглотил пару и одну передал Алексею. – Водка будет нашим оружием и платёжным средством. Слышал, что Павел говорил? Если сей-

---

¹ Название скалы на Урале.

час времена Ивана Грозного, водка может нас неплохо выручить, это наш золотой запас. В армии, брат, за спирт можно всё достать, и денег не надо.

– Ну да, конечно. Отрубят нам головы, как колдунам, царские опричники, вот и пипец! – Алексей откровенно страдал и был зол на весь мир.

– Отрубят, говоришь? – военврач усиленно массажировал виски, восемь лет в «горячих точках» научили быстро реагировать на опасность в любом состоянии. Иначе и не могло быть, ленивые и расслабленные не выживали. – Точно, надо нам дипломы нарисовать. Фломастеры есть, бумага у жены была, пошли, ребята, будем дипломы рисовать. Вдруг опричники прямо сейчас подъедут.

Он пружинисто поднялся с места и зашагал к своей палатке, откуда почти сразу стало слышно, как начала громко возмущаться его жена.

– Зачем тебе мои листы? Возьми туалетную бумагу или тетрадь. Какие грамоты, какие дипломы?

Возмущение быстро сошло на нет, когда Валентин объяснил ситуацию. Жена офицера, хоть и была ярко выраженным гуманитарием, никаких истерик себе не позволяла и отличалась здравым смыслом. Она преподавала живопись в одной из художественных школ Перми, потому привычно взяла с собой несколько наборов для рисования. От масляных красок и гуаши до сотни листов дорогого ватмана формата А3 и А4. Фломастеры и карандаши, конечно же, входили туда вместе с линейками, циркулем, переносным этюдником и прочими мелочами. Благо всё это не нужно носить на себе, река повезёт сама, без особых усилий.

Вообще, туристы в команде подобрались спокойные, не жаждавшие экстрима. Многие женщины плыли с детьми, не первый раз, взяли всё, что нужно для комфортного путешествия. Это не пеший маршрут, где объём припасов ограничен личной грузоподъемностью. Женщины полюбили сплавы по реке именно по причине достаточного комфорта при минимальных проблемах переноски. Елена и Надежда, две незамужние тридцатилетние учительницы, самые опытные путешественницы, вообще брали с собой практически всё – переносной разборный столик из алюминиевых сплавов и пластика, пластиковую разноцветную посуду в виде набора тарелок, чашек, кружек, вилок и ложек, аж на шесть персон. Не считая различных скатертей, салфеток, пакетов, одежды и всего, что женщинам необходимо.

Другие женщины не отставали от подруг, прихватывая совершенно неожиданные вещи. Наталья, жена Алексея, например, везла с собой профессиональную видеокамеру, планшет, бинокль и добрый пуд лекарственных препаратов – от ожога и обморожения, от загара и для загара, от запора и от поноса, и так далее. Причём к оборудованию у неё были приспособлены два зарядных устройства в виде фонариков-динамо, про запас. Нина, повариха и приятельница Павла Аркадьевича, везла набор эмалированной посуды на шесть персон, дюжину ложек, аудиоплеер и большой мешок имущества, который она ни разу не открывала за последние три плавания.

Да и мужчины не отставали в оригинальности груза, один из пермских инженеров взял с собой подаренный друзьями блочный лук, намереваясь практиковаться в стрельбе на стоянках. Другой пермяк, плывший впервые, умудрился прихватить акваланг в полном комплекте, с насосом, работающим от динамо-привода, с подводным ружьём, разумеется! Это при средних глубинах уральских рек в один метр и полной прозрачности воды! Оба везли газовую плитку с пятью баллонами газа, очень уж понравились ребятам отзывы знакомых альпинистов о таких плитках. Непонятных предметов хватало у всех. Даже взрослые мужики, не ограниченные тяжестью груза, прихватили много лишнего.

Ну, это всё лирика, а допрос пленников закончился довольно скоро, не прошло и часа. Увы, предположения Павла Аркадьевича полностью оправдались, шла середина шестнадцатого века. Нет, конечно, дикие вогулы, захваченные Николаем, не знали, какой шел год, но они слышали о царе русских, который разгромил Булгарское ханство. Знали, что у впадения Чусо-

вой в Каму начинаются земли, подвластные хану русских Строгану. Но ничего не слышали о Ермаке. Служили они, что характерно, хану Кучуму. Так что интервал времени можно сузить. Казань была взята Иваном Грозным в 1552 году, а Ермак отправился покорять Сибирь, в 1581 году.

Пока руководитель турпохода всё это рассказывал, к костру подтянулись все, включая детей. Подростки недоверчиво хмыкали и улыбались, но улыбки быстро растаяли под озабоченными взглядами мужчин. Женщины начали плакать, молча, скрывая слёзы. О дальнейшем плавании не могло быть и речи. Даже появление рыбаков с фантастическим уловом в виде двух метровых рыб и десятка килограммовых хариусов никого не порадовало. Улов лишь подтверждал страшный для многих вывод – все оказались в прошлом, возврата домой не будет.

– Я прошу всех подумать, – неожиданно объявил Павел Аркадьевич, – подумать и выбрать нового руководителя. Считаю, что демократия в наших условиях опасна, а я всего лишь проводник туристической группы. На роль руководителя не претендую.

Все мужчины машинально взглянули на подполковника, старшего по званию офицера в группе. Петр выставил ладони вперёд в отрицательном жесте.

– Нет, нет. Я вам накомандую. Хватит, покомандовал на Украине. – Многие знали, что подполковник был ранен в спину во время пресловутой майданщины 2014 года, когда прикрывал мирную демонстрацию в Киеве. Стрелял снайпер из числа европейских наёмников. С тех пор Петро слова «демократия», «гуманизм», «европейские ценности» считал нецензурными ругательствами. – Павел Аркадьевич, ты не только историк, но и географ?

– Да, здешние места с закрытыми глазами пройду. От Печоры до реки Белой.

– Потому предлагаю решения принимать вдвоём. Будут разногласия, позовём остальных. Согласны? – Петро хмуро осмотрел кивающих слушателей. Задержал взгляд на группе врачей, дожидая их взглядом. Лишь после того, как все мужчины кивнули, продолжил: – Предлагаю сегодня никуда не плыть, а обдумать наши действия. После обеда соберёмся, обсудим всё. Единственная просьба – не паниковать, а предлагать свои решения проблем, не менее двух вариантов. Пустые разговоры нам не нужны. Всё, расходимся до обеда. Кстати, чуть не забыл! Предлагаю до выяснения продукты не тратить, рыбы достаточно, будем готовить её. Дежурным всё понятно?

Народ расходился с задумчивыми лицами, только рыбаки принялись потрошить добычу, восхищаясь её размерами. Многие женщины и дети с любопытством наблюдали, как рыбаки солят свежевывловленного хариуса, чтобы попробовать через полчаса. Уху, после согласования с Павлом Аркадьевичем, решили варить без картошки и лука, лишь с перцем, яйцами и солью, зато наваристую и густую. А лучшие куски рыбы запечь. Глины, конечно, не было, откуда ей взяться, когда слой грунта не превышал десяти сантиметров. Поэтому запекали на крупных камнях, уложенных на костёр. Ребятам и молодым женщинам такие способы приготовления рыбы были в диковинку. Потому свежепосоленного хариуса попробовали все, вместо салата перед обедом. Восхищению не было предела.

– Может, не всё так плохо, а, друзья? – Николай, как всякий оперативник, гибко реагировал на ситуацию, решил поддержать дух товарищей. – Природа-то какая! Рыба огромная, вода и воздух чистые, экология фантастическая! Золотые рудники не тронутые, алмазы на Куйве лежат, нас ожидают! Картошка, помидоры, подсолнечник! Никто в Европе не умеет их выращивать, мы самые богатые в Европе люди! Наша главная задача – не поссориться друг с другом и выжить в ближайшие два-три года.

– И всё? – ехидно переспросила рыжеволосая Надежда. – Дальше будет счастье?

– Конечно! – Кожин протянул свою чашку под раздачу, подождал, пока дежурный нальёт густой ухи, прихватил пару кусков хлеба и отошёл в сторону. Там уже сидел Толик, в компании Елены и Надежды, осторожно пробовал горячее варево. Присев рядом, Николай продолжил: – Нет, прикиньте сами. Люди веками мечтали изобрести машину времени, нам всё досталось

даром. Писатели тысячи книг написали о путешествиях в прошлое, об изменении мировой истории, целый жанр литературы возник – альтернативная история. И только нам досталась почётная возможность действительно изменить историю в лучшую сторону, а не мечтать об этом, лёжа на диване.

– Что мы можем? – С грустной улыбкой всхлипнула Надежда. – Кругом дикие племена, у нас никакого оружия, никакого жилья. Зимней одежды нет, денег нет, документов нет!

– Ха, – поспешил ответить оптимист, быстро работая ложкой. – Ты, Надежда, учитель химии, сделаешь нам порох и взрывчатку. Только скажи, что и как делать, я лично буду твоим рабочим. А уж самодельных револьверов я изъял столько, что во сне смогу собрать и детали нарисую со всеми размерами.

– Из чего я порох сделаю? Ни лаборатории, ни ингредиентов... – жалобно взглянула женщина.

– Ну, ты поражаешь, – откровенно удивился сыщик. – Вёсла у нас алюминиевые, сахара полмешка. Вот тебе одна взрывчатая смесь, даже я знаю. Думай, химик, думай. От тебя многое зависит. А уж мы не подведём.

Туристы, разбившись на группы, пообедали и строили планы, не впадая в уныние. Собственно, почти все путешественники плыли с близкими людьми, семьи не разбились при переносе во времени. Четверо семейных пар были с детьми, с детьми оказались в прошлом и две матери-одиночки. Из оставшихся одиннадцати человек – четыре незамужние женщины, отец с двенадцатилетним сыном, два холостяка, и только трое мужчин были женаты, там, в будущем. Но как раз они не собирались устраивать истерики по потерянным близким, хватало насущных проблем. Тем более что жёны остались в будущем у Павла Аркадьевича, подполковника Петра и разгильдяя Толика, людей, достаточно взрослых и выдержанных, не склонных к истерике.

Собрание началось стихийно, едва вымыли посуду, стали обсуждать предложения. К счастью, болтунов в группе не было, потому решения принимали довольно быстро и конструктивно. Причём группа врачей решила пробираться далее в Россию, в Москву, на свой страх и риск. Обдумав их предложение, Павел Аркадьевич счёл его достаточно разумным, хоть и рискованным. Но согласился, что положение учёных иностранцев на Руси гораздо безопасней, нежели проживание в Приуралье при нынешней ситуации. Иностранцам простят незнание православных молитв и обрядов, несуразные одежды и другие бытовые мелочи. А профессия врача позволит прокормить себя и добиться неплохого положения. Единственная проблема в документах, как подтверждающих квалификацию, так и проездных до Москвы.

Тем более, после консультации с дипломированным историком художница и оба инженера сели за работу и нарисовали два десятка дипломов и грамот, на всех взрослых мужчин и дипломированных женщин. Оформлением документов занималась профессионалка, текст чертёжным шрифтом писали инженеры, а печати было сразу две. Первую дал военврач, который печатывал ею шкафы с наркотиками, вторая печать нашлась у Толика, забыл сдать перед отпуском. Так что грамоты вышли лучше настоящих, в три цвета, русским алфавитом, с арабскими цифрами. Парни собрали запасы полиэтиленовой плёнки и аккуратно запаяли все дипломы и грамоты, настоящего ламината не получилось, но для шестнадцатого века достаточно оригинально. Ничего придумывать в грамотах не стали, всем специалистам подтвердили дипломы, заодно наделив дворянством.

Кроме того, на каждую группу туристов – на врачей и остальных – нарисовали отдельные охранные грамоты. Нет, не посольские, а просто подорожные грамоты, в которых царь Магадана Владимир Путин разрешал путешествовать дворянам по соседним странам – Сибири, Московии, Литве и прочей Европе. И от имени Магаданского царства гарантировал защиту своим подданным, как имущественную, так и воинскую. На эти грамоты печать рисовали отдельно, раскрашивали цветным лаком для ногтей и даже прилепили по две голограммы, снятые с бутылок спиртного. Для остальных голограмм сделали открытые листы, грамоты с

печатами и подписями, но без текста и фамилии владельца. Вроде грамоты Ришелье, данной миледи за убийство Бэкингема.

Эти художественные развлечения заняли остаток дня и послужили поводом для растущего оптимизма туристов. Все провели ревизию своих запасов и приободрились. Тёплой одежды – разных курток, фуфаяк и прочего – набиралось на холодную зиму. Почти два комплекта спальников, десяток палаток, не считая различных чехлов из-под оборудования, позволяли утеплить любое жилище на зиму. Даже в палатках, в крайнем случае, можно прожить, две трети из них были с надувными матрасами. Женщины активно обсуждали, что надеть и какие вещи можно дарить нужным людям, а что лучше продать, за какую цену. Все вместе решили особо ничего не выдумывать о царстве Магадан, чтобы не попасться на расхождениях. Единственной выдумкой будет название столицы – Магадан, и должность – не президент, а царь. Всё остальное будет соответствовать правде жизни. Магадан расположен далеко на северо-востоке, климат там холодный, добывают золото, серебро и железо. Сами они решили отдохнуть в тёплых краях летом, да в катастрофе потеряли все ценности и средства передвижения, без которых домой не доберутся.

Потому и пришлось плыть к ближайшим цивилизованным народам, чтобы не скучать в глухой тайге. Родственные алфавиты и язык, как и православную веру, решили объяснять тем, что царство Магадан основано тысячу лет назад выходцами из Руси. Остальное рассказывать по факту – имена премьера, министров, певцов и так далее, достижения науки и техники, кроме полётов в космос, естественно. Объяснение, почему царство никто не знает, простое – долгое время была политика изоляции, а год назад разрешили свободный выезд. Но добираться туда далеко и долго, нужна специальная подготовка. Если царь Иван решит заслать посольство, не противиться, однако тянуть время. Держаться на Руси договорились дружно, не ссориться по пустякам и помогать при случае.

Ночью мужчины собрались у костра, чтобы обговорить совместные планы обеих групп на будущее. Группа врачей, если удастся закрепиться в России и Москве, будет заводить связи среди иностранцев и корабелов. При возможности вербовать людей переселяться на Урал, к Павлу Аркадьевичу. Максимально распространять картошку, помидоры, подсолнечник. На большее решили не замахиваться, продержаться бы несколько лет, а там видно будет. Группа инженеров, как позиционировали себя те, кто решил остаться на Урале, постарается осесть на границе с землями Строгановых. Эти земли формально Кучума, по факту – пограничная полоса, слабозаселённая не только русскими, но и местными племенами – вогулами, коми, пермяками, вотяками. Всегда можно выбрать удобное место, где осесть, хотя бы на первое время. Выстроить острог, добывать золото, плавить железо и медь, а, главное, попытаться создать эффективное оружие, естественно, огнестрельное.

Это не идея-фикс, а единственный способ выживания. Павел Аркадьевич напомнил, что набеги башкир и сибирских татар в эти времена были довольно частыми, чуть ли не каждые три года. Точнее он скажет, когда узнает текущую дату, но в любом случае поход Ермака был ответом на частые набеги Кучума из-за Уральских гор. Встал вопрос о пленниках, их решил оставить себе Павел Аркадьевич, будет с чего начать разговор с соседями. Толик сходил, проверил, как те себя чувствуют, напоил и связал снова, укрыв пологом. Особой гуманности решили к злодеям не проявлять, пару дней голодом потерпят, там будет видно. Так вот, в условиях малочисленности русского населения на Урале огнестрельное оружие будет единственным шансом выжить. И не просто выжить, а жить свободно, не опасаясь ежегодных набегов. Развиваться, а не обороняться.

Болтали долго, разошлись по палаткам далеко за полночь. Так прошёл первый день в шестнадцатом веке.

Глава 2

Утреннее пробуждение вышло грустным. Возможно, многие надеялись, что вчерашние события окажутся сном и туристы вновь проснутся в родном двадцать первом веке. Увы, реальность не оправдала подобных надежд. Всё так же стояли по обоим берегам Куйвы огромные ели, сосны, берёзы, окружённые молодым осинником. Так же как вчера, на водопой спускались горные козлы и лоси. Более того, за ночь любопытное зверьё изрядно разворошило сложенные на берегу вещи. На пластиковых лопастях вёсел явственно виднелись следы чьих-то зубов. А палатка с продуктами была в двух местах разорвана, коробка с печеньем выгрызена, рассыпанное печенье образовало целую дорожку в сторону леса, уже облепленную муравьями.

– Придётся на ночь дежурства организовать, – виновато крикнул, увидев происшедшее, Павел Аркадьевич, оправдываясь, добавил: – В наше время никакого зверья на Урале, считай, не осталось. Даже муравьёв редко встретишь.

– Подъём! Подъём! – громким голосом объявил Петро и добавил: – Сегодня у нас большая программа, надо рано отплыть!

Толик с Колей, взявшие на себя привычную роль полицейских, успели покормить пленников, которых усадили на свой катамаран, привязав к настилу. Грузы на сей раз укладывали не в центре катамаранов, а по краям, создавая этакую стенку. Чтобы спрятать детей и женщин от стрел в крайнем случае. Так, что отплывавшие катамараны со стороны выглядели плывущими крепостями, со стенами из туго набитых рюкзаков и полениц дров. Часть наколотого сухостоя туристы привычно везли с собой, чтобы не терять время на стоянках при организации ужина.

Плыли с утра тихо, без криков и песен, даже разговор вели вполголоса. Все глаз не отводили от берегов, где хватало достойных зрелищ. На берегах стоял фантастический лес, со вздымавшимися вверх, как вышки сотовой связи, огромными лиственницами. Они через каждые полсотни метров, словно сторожевые башни, поднимались над вершинами елей и сосен. Парни заспорили, какой высоты самые высокие лиственницы – восемьдесят или сто метров, настолько нереальной оказалась картина. Причём этот лес, в отличие от того, из будущего, не стоял молчаливой стеной. Нет, в нём постоянно кто-то кричал, птицы перепархивали с ветки на ветку, белки, зайцы, косули и прочая живность, казалось, вещали: «Вот мы, смотрите на нас!»

За полчаса пути дети, да и многие взрослые, увидели столько живых зверей, сколько не видели за всю жизнь. На катамаранах то и дело возникали короткие споры.

– Кто это? Барсук?

– Нет, росомаха.

– Ну да? Может, медвежонок?

– А это кто? Соболь?

– Скорее, колонок или хорёк.

– Горностай?

– Не знаю.

– Мама, гляди, орёл!

– Похоже, только в наших краях орлы не водятся. Скорее, орлан или беркут. Впрочем, кто его знает.

Рыбаки рискнули забросить блесну и тут же выловили трёх полуметровых тайменей. На этом ограничились, понимая, что больший улов не сохранить. К этому времени все убедились, что плывут по Куйве. В указанных местах исправно стояли оба бойца, с каменным безразличием подтверждая слова Павла Аркадьевича. Он и объявил первую остановку у небольшого ручья.

– Стоянка полчаса, вещи не снимать, будем намыывать золото.

– Честное слово? – Мальчишки облепили старого туриста, засыпая вопросами: – Где это золото, как оно выглядит?

– Как выглядит, как выглядит? – Мужчина зашёл в ручей, зачерпывая приготовленным тазом мелкий галечник со дна. Сделав пару промывающих движений, вылил обратно. Зачерпнул ещё два раза и позвал любопытных. – Вот оно как выглядит!

На ладони лежали два камешка неправильной формы серого цвета, мужчина поцарапал их ножом, и все заметили блестящие царапины. Дети и взрослые с интересом передавали друг другу тяжёлые самородки, первое золото на Куйве.

– Граммов десять будет, – подкинул Валентин. – После очистки может половина золота оказаться или больше. По закупочной цене двести рублей грамм – тысячи на две рублей.

– Всего? – удивились женщины, покупавшие ювелирное золото в десять раз дороже.

– Это в России такая цена, – вступил в разговор Павел Аркадьевич, – на Руси золота было мало, оно раз в пять или десять дороже. Чего стоим, быстро разошлись вдоль ручья, пока не намоет пару килограммов, не будет обеда!

Смелость города берёт, или наглость – второе счастье. Только так можно объяснить тот факт, что за час золота намыли не два килограмма, а добрых пять. За это время Павел Аркадьевич успел рассказать, что в 1837 году здесь была обнаружена богатейшая золотая россыпь, получившая название Трифонова Дудка. И что основные залежи золота не в реке, а в километре выше по ручью, где идёт кварцевая жила в скале. Если её разработать, золота будет больше. В том же 1837 году из жилы добыли тридцать два пуда самородного золота. Потом добыча упала, а через пять лет прииск истощился и был заброшен.

– И таких мест, только на Куйве, я знаю больше десятка. Причём не только золотые прииски, но и алмазные россыпи, платиновые, не говоря уже о медных и железных рудах. Одно время я специально выискивал места бывших приисков, в надежде найти хоть сувенир на память. Не нашёл, конечно, ничего, но накопил массу информации. – Опытный турист покраснелся, довольно шевелил усами, впервые он применил свои знания, да с каким результатом! – Например, в десяти верстах ниже будет посёлок Кусье-Николаевск, там даже алмазоперерабатывающий завод стоял до 1993 года. Думаю, неподалёку можно алмазы поискать.

Отплывали туристы уже совсем с другим настроением. Дети радовались приключению, взрослые прикидывали, что не всё так безнадежно, с золотом можно и в средневековье неплохо устроиться. Стоянку на обед устроили как раз на месте будущего Кусье-Николаевска; на правом берегу, естественно, никакого посёлка не было. Зато стояли шесть чумов, вокруг которых бегали дети и копошились женщины в национальных костюмах народов Севера. Из мужчин только два старика неторопливо чинили лодку. При виде ярких катамаранов и живописной компании на них дети попрятались за чумы, а женщины насторожённо выстроились возле стариков.

Скомандовав стоянку на обед, к аборигенам отправились двое – Павел Аркадьевич и Валентин, военврач. По матери он был башкир и неплохо понимал восточные языки, нахватался в командировках.

– Здравствуйте, – по-русски начали разговор мужчины, осторожно кланяясь. – Мы мирные люди, плывём на Русь. Кто хозяин здешних мест?

– Мы люди мирные, – повторил географ, не дождавшись ответа, – с нами бабы, дети. Однако три разбойника напали, вон те.

Старики зорко прищурились, разглядывая пленников, которых Николай с Толиком выводили на берег. Явно узнали парней и опустили головы. На их выдубленных временем лицах не выразились никакие эмоции. Мужчины переглянулись в полной уверенности, что пленники из того же племени, что и старики. Об этом говорили и аналогичные узоры на рукавах и груди верхней одежды стариков.

– Убить нас хотели, разбойники, напали ночью, наши вещи брали. Мы дальше поплывём, разбойников татарам продадим или русским. Если хану вашему нужны его люди, пусть присылает выкуп. Если выкупа нет, можем договориться, мы не жадные.

Ничего не ответили старики, молча смотрели на мужчин. Также молчали женщины, пока переговорщики возвращались на берег. Валентин не выдержал и спросил:

– Вдруг они нас не поняли? Если они русского языка не знают?

– Должны знать. Русские живут всего в полусотне вёрст на запад, живут больше ста лет, – уверенно отвечал географ. – Если бы не знали языка, переспросили бы. Я с манси с молодых лет общался, это они. По нынешним временам их вогулами зовут. Знаю их повадки, да и старики те не сильно старше нас, лет сорок, самое большее. Если нас поняли, но не знают, как быть, будут молчать. Ничего, дня через три-четыре нас догонят и предложат выкуп. Или нападут...

– Однако я бы напал. Оружия у нас нет, надо пару поджигов сделать, что ли.

– Ниже часа через два-три пути будет пещера. В эти времена она была закрытой, археологи говорили, для жертвоприношений использовалась. – Задумался Павел Аркадьевич. Летучие мыши там веками непуганные. Значит, много помёта, много селитры. Если русские не добрались или аборигены русским не продали.

– Селитра, это хорошо, с сахаром она отлично пойдёт, да ещё алюминиевых опилок добавить, – мечтательно улыбнулся Валентин.

– Значит, быстро обедаем и плывём, – объявил у костра Петро, выслушав рассказ парламентариев. – Пока собираемся, можно поискать алмазы в том ручье.

– А как они выглядят? – заинтересовались все, даже женщины.

– Ну, не как бриллианты, это точно. Мутные или полупрозрачные кусочки стекла или белого камня. Как осколки от бутылок или разбитого калёного стекла.

– А если это просто стекло? – уточнили деловые мальчишки.

– Откуда здесь стекло. Оно в этих краях дороже железа, – улыбнулся Павел Аркадьевич. – Будете искать, собирайте все разноцветные или тяжёлые камешки. Говорят, тут и жемчужные ракушки водились, проверяйте.

Обедали быстро, родители не спускали глаз с ребятишек, баламутивших воду в устье впадавшего в Куйву ручья. Не прошло и часа, как туристы загрузили нехитрый походный скарб на катамараны и окликнули ребят. Те бежали наперегонки, спеша обрадовать взрослых добычей. Алмазов, жаль, не отыскали. Зато собрали десяток мелких речных жемчужин и притащили добрых два килограмма разноцветных камней.

Павел Аркадьевич серьёзно осмотрел всё добытое богатство, отметил несколько окатышей железного колчедана и галенита. Особенно выделил три странно тяжёлых камешка, отметив, что это не золото. Однако ценится, вернее, будет цениться в двадцатом веке дороже золота.

– Платина, что ли? – не поверили женщины.

– Да, именно она. Самородная платина, лучший в нашем положении материал для химической посуды. Когда ещё мы стекло научимся делать. А платину кислоты не берут, да и катализатор отличный.

– Но она тугоплавкая, – возразила Надежда, доктор химии, судя по выписанному вчера диплому.

– Так она здесь самородная, плавить не надо. Будем ковать молотом, тяжело, но можно. Кстати, больше всего платины не на Куйве, а на реке Серебряной, по которой Ермак в Сибирь пойдёт. Говорят, что её потому и назвали Серебряной, что там кругом серебро и платина, её сейчас серебришком зовут, она дешевле меди. Не вздумайте завышать цену, будем брать как бросовый металл. – Павел Аркадьевич посмотрел на аудиторию, внимавшую его разъяснениям. – Кстати, пора отплывать, у нас много работы вечером.

На этот раз плыли быстро, не отвлекаясь на красоту окружающих мест. Мужчины прикидывали, из чего и как быстро сделать оружие. Распределяли обязанности по ночной охране

стоянки. Поэтому занялись делом, едва пристали к намеченному берегу, стараясь не суетиться. Пока дежурные готовили ужин, мужчины готовили оружие.

Инженер Игорь Глотов достал свой лук с десятком карбоновых стрел. Выстрелил пару раз, сломал одну стрелу, попал из четырех выстрелов всего один раз туда, куда целился. Глядя на его потуги, остальные мужчины связываться с ножами и луками не стали, решили остановиться на самодельных огнестрелах. Благо стальных трубок различного диаметра и длины хватало среди имущества туристов. Начиная от каркаса катамаранов, где использовались трёхметровые трубы из нержавейки шестидесятимиллиметрового диаметра, и заканчивая стальными трубками меньшего диаметра, от всяких подставок, ножек и упоров для столиков, шезлонгов и прочей походной мелочи.

Пока мужчины с помощью напильников и единственной ножовки по металлу отпиливали необходимые трубы, вырезали к ним деревянные ложа и приклады, подростки, под руководством Павла Аркадьевича и Надежды, отправились в знаменитую пещеру, искать селитру. Дети и женщины азартно толкли сахарный песок в пудру, чтобы размешать его с алюминиевыми опилками. На «боезапас» пришлось пустить запасное весло из алюминия, его по очереди стёсывали крупным рашпилем. Работали спокойно, сосредоточенно. Взрослые понимали возможную угрозу, а дети смотрели на них и впитывали их напряжение, чувствовали опасность.

Когда ужин – опять исключительно рыбный – был готов, вернулась довольная Надежда, набравшая с помощниками килограммов пятьдесят сухой селитры. Грязной, неочищенной, но явно селитры, отличного средства для выживания в диких краях. Едва пообедав, Надежда принялась готовить взрывчатые смеси, а мужчины приступили к испытанию собранных самострелов. Конструкции в целом совпадали, отличаясь лишь диаметром ствола и длиной, ну и особенностями заряда, конечно. Самые практичные самострелы сделали Николай и Толик, у них были настоящие двустволки, с длиной ствола сорок сантиметров. Стволы, примотанные к удобным деревянным лолам, были сплюснены с казённой стороны, с пробитыми дырками для зажигания заряда.

Когда взрывчатой смеси набралось полведра, её равномерно размешали и приступили к испытаниям. Заряжали мелкой галькой, и мишень поставили на двадцать метров. Все с азартом следили за испытаниями, даже сами мужчины, вернувшиеся в детство. Самodelки оказались живучими, ни один ствол не разорвался. Хотя мощность выстрела оказалась разнообразной. Двустволки оперов были самыми слабыми, их хватало лишь на двадцать метров, но вполне убойно, галька пробивала кору сосны на три сантиметра в глубину. Остальные поджиги, с более длинными стволами, показали лучшие результаты. После нескольких попыток установили самую дальнoбойную модель, у Петра. Его изделие стреляло уверенно и убойно на сорок метров, но одним свинцовым шариком. Впрочем, подполковник умудрялся попадать им в ростовую мишень.

А изделия инженеров, рискнувших использовать распиленную пополам трубу из арматуры одного катамарана, не уступали по убойности небольшим пушкам. Установленные на опору, супергиганты, как их окрестили подростки, на расстоянии тридцать метров выкашивали убойной галькой целую полосу, до четырёх метров шириной и высотой. С такими тактико-техническими характеристиками даже медленное зарядание не пугало. Тем более что инженеры принялись испытывать способ зарядания самодельными зарядами из бумажных пакетов. В туалетную бумагу заранее заворачивали необходимый заряд «пороха», в другой пакет, из листьев лопуха, скручивали комплект картечи из гальки.

После непродолжительной тренировки лучшего результата, чем пять секунд между выстрелами, добиться не удалось. На том и остановились друзья инженеры, гордые своими самострелами. К этому времени заметно стемнело, и лагерь укладывался спать, оставляя на дежурстве по два человека, сменяемых через два часа. Толик с Колей, когда водили пленников на opravку перед сном, обратили внимание на заметную перемену в поведении вогулов.

Видимо, под воздействием артподготовки, которую те не видели, но отлично слышали, пленники заметно погрузтели. Наглость и самоуверенность вогульских хулиганов, демонстрировавших молчание и выдержку, куда-то улетучились. Вечером перед офицерами показали своё истинное лицо три деревенских парня, напуганные взрослыми дядями. Николай лишь усмехнулся, не сомневаясь, что через пару дней всех троих легко сделает своими осведомителями в рядах вогульского князя.

К ночлегу готовились более основательно, чем в прошлую ночь. Начиная от защиты продуктов и заканчивая натянутыми шнурами вокруг лагеря, с повешенными на них колокольчиками и склянками. Второй день из имущества ничего не выбрасывалось, за исключением использованной туалетной бумаги, пожалуй. Женщины берегли все продукты, включая обычную газировку и минералку в пластиковых бутылках. Пустыми были только те бутылки, что изначально планировали под питьевую воду. Так их утром и наполнят заново, из ближайшего родника. А пока предстояла вторая ночь в новом мире, в ожидании встречи с Русью. Как она отнесётся к своим далёким потомкам?

Ещё три дня прошли в спокойном плавании по Куйве, затем по Чусовой, куда вынесли их воды золотиносной речки. Дважды туристы проплывали мимо вогульских стойбищ, ещё два раза делали остановки в таких селениях. Вогулы вели себя мирно, удалось разговориться и узнать, что до первых русских селений на реке Чусовой осталось ещё два дня пути. Как раз туда плыть Павел Аркадьевич не собирался. Нужно было искать место для основательного обустройства. Мужчины сверились с планшетом Натальи, закачавшей в него все сведения по окрестностям реки Чусовой, и окончательно выбрали место в устье речки Ярвы. Там, по воспоминаниям главного туриста, должна быть огромная поляна, достаточная для огородов. Да и на реке Ярве в начале восемнадцатого века будут добывать медь и железо, буквально в десяти и пятнадцати километрах от устья.

Увы, расчёты командиров не оправдались, на выбранной поляне оказалось вогульское селение. Причём довольно крупное, на полтора десятка чумов. Однако деваться некуда, караван катамаранов пристал к берегу Чусовой, неподалёку от вогульского селения. Павел Аркадьевич и Петро отправились на переговоры во всеоружии. С собой командиры прихватили бутылку водки, пару пустых полторашек, один из охотничьих ножей. Что характерно, из личных запасов Петра, взявшего в плавание целых три ножа. Переговоры обещали быть тяжёлыми, учитывая настороженность аборигенов. Видимо, опасаясь чужаков, к берегу подошли два десятка мужчин, вооружённых копьями и топорами. Они сели на корточки, меланхолично рассматривая туристов.

Тут и выпустил на волю пленников Николай, давно завербовавший парней. Благо дремучим аборигенам хватило обещания вручить огнестрельное оружие и научить их стрельбе, коли те будут честно служить туристам. После этого более преданных союзников не нужно было искать. Что говорить, огнестрельное оружие в шестнадцатом веке гипнотизировало неокрепшие умы молодых дикарей сильнее, нежели автомат для негра в двадцатом веке. А когда пленные вогулы поняли, что сильные «люча» (русские) умеют сами делать пищу и порох для них, восхищение достигло небывалых высот. Оставалось только крепко вбить в их неокрепшие умы инструкции, способы связи и выпускать на свободу. Чем и занимались Николай с Анатолием каждый вечер, иногда привлекая к этому делу Петра.

Пока командиры вели долгий разговор с вождями вогульского селения, три засланных казачка разговорились с местными мужиками. Задача у них была самая простая, уточнить, где ближайшие селения вогулов и русских. Времени для этого оказалось больше чем достаточно, общение командиров с вождями затягивалось. Туристы в ожидании скучали на берегу, пока Надежда не напомнила инженерам о том, что они обещали удивить вогулов. Как раз время показать аборигенам заготовленный фокус. Парни достали газовую горелку с наддувом, установили на неё алюминиевый ковшичек и за пару минут расплавили в нём часть добытых золо-

тых самородков. Конечно, Надежда знала, что при таких методах уходит в угар до четверти золота, но деваться некуда.

Фокус был накануне отрепетирован, потому особых трудностей не вызывал. Как только золотые самородки расплавились, их вылили из ковшичка в специальную форму. Откуда взялась форма? Так её прихватил один из фанатов рыбалки, стандартная форма для обычных мормышек и блёсен. У туристов было три дня, чтобы немного эти формочки подработать и заливать золотой расплав. Результат оказался неплохим, на глазах удивлённых аборигенов чужаки из камней отлили золотые амулеты, в виде рыбок и даже волшебного глаза, небесного ока, так сказать. Надо ли говорить, что всё было доведено до сведения вождей этим же вечером, но после переговоров. Потому как командиры вернулись с переговоров без результата. Вогулы накрепко отказывались признавать соседей и не разрешали им поселиться поблизости, на Ярве. Как писал один классик, в вольном переложении: «Сначала они кивали на Кучума и боялись русских, потом кивали на русских и боялись Кучума». Однако действие златого тельца дало свой результат.

Поэтому, когда переговоры на следующее утро были продолжены и паре старичков вручили отлитые накануне золотые амулеты, вогульские представители согласились отдать чужакам земли по берегу реки Ярвы на поселение. Нет, не там, где стояли вогульские чумы, а в десятке километров выше по течению. Там тоже была достаточно удобная поляна и никто не жил. Для скрепления объявленного договора командиры туристов выставили угощение будущим соседям. На поляне устроили настоящий пир, украшением которого стали четыре бутылки водки (смешно сказать, на двадцать мужиков), женщинам достались три полторки минеральной воды с пузырьками (без посуды), остатки чёрствого печенья, немного конфет и последние вафли. Основным блюдом, естественно, была жареная, копчёная и печёная рыба.

Туристам подобные праздники удовольствия не принесли, понятное дело, но аборигенам понравилось. Потому рано утром туристы начали прощаться друг с другом, конечно, а не с аборигенами. Группа врачей на одном катамаране отплывала вниз по Чусовой, намереваясь двигаться дальше в Россию, в Москву. С собой они увозили весь запас золота, переплавленного в фигурки в виде рыбок. На общем собрании все решили, что золото больше пригодится в цивилизованных местах. Те, кто остается, смогут прожить натуральным хозяйством, чем, собственно, и собирались заняться. А врачи все из цивилизованных мест, привыкли к большому городу... Да и чем в тайге займётся учитель рисования?

Прощание получилось тяжёлым, за неполную неделю сдружиться, конечно, не успели, но все понимали, что расстаются с близкими людьми. Других, настолько близких по духу людей туристы уже не встретят. Да и друг с другом, скорее всего, не встретятся до смерти, просто не смогут. Такая обречённость пугала россиян, привыкших к сотовой связи, интернету, скайпу и прочим авиалиниям. Женщины всплакнули, а мужчины пообещали поддержку в трудный момент. Семь человек на одном катамаране отправились вниз по течению Чусовой, а двадцать остальных туристов на трёх катамаранах пошли вверх по реке Ярве. Именно пошли, ведя катамараны на верёвках вверх против быстрого течения, как бурлаки.

Идти пришлось почти весь день, пусть и какой-то десяток километров. Извилистая речка с каменистым дном, вроде и мелкая, не способствовала быстрому продвижению. Сами мужчины береглись, памятуя о том, что все врачи уплыли, и простейший вывих может привести к инвалидности, а перелом – к смерти от заражения крови. По общему согласию, в ходе подъёма по реке часть мужчин расчищали русло реки от упавших деревьев, что не ускоряло движение. Однако все понимали необходимость создания быстрого и простого пути к Чусовой. Враги всё равно пройдут, а самим туристам расчищенный путь поможет всегда. Да и время не поджимало, его у бывших туристов впереди было много, четыреста с лишним лет до своего рождения. Такие мрачные шутки бродили в коллективе, хотя настроение немного стабилизировалось, даже какая-то определённая способствует спокойствию, особенно у женщин. Павел

Аркадьевич, как мог, поддерживал народ рассказами о местных достопримечательностях, о ближайших залежах меди и железа.

Когда наконец туристы добрались до своей поляны, сил едва хватило поужинать и разбить лагерь, установить палатки и спрятать продукты от зверей. Караул на ночь не выставляли, решили жить, как дома. Даже бывшие пленники были выпущены на свободу, вогулы установили себе шалаш на краю поляны. Николай договорился с ними, что те подождут посланцев от хана месяц, если не дождутся, вернутся к Кучуму, вернее, не к самому Кучуму, а его наместнику на Урале. Так, сказать, «смотрящему» за уральскими селениями вогулов, заодно и собиравшему дань с уральских племён, царевичу Маметкулу. Со слов Павла Аркадьевича, именно Маметкул до прихода Ермака станет самым активным борцом против русских. Лишь вмешательство казаков положит конец карьере царевича.

Утро началось с самых неотложных работ, нет, не с постройки жилья, до осени было ещё далеко. Самыми неотложными стали посевные работы по вскапыванию поля для картошки. Высадить решили лишь её, шла середина июня, и картошка вполне могла вызреть до первых заморозков. А семена помидоров, подсолнуха и огурцов оставили до следующей весны, с ними ничего не случится. Даже всхожесть, говорят, у огуречных семян повысится через год. Потому первым делом вскопали по очереди одной штыковой лопатой сотки две, на которых рассадили всю картошку, разрезанную частично на глазки, частично целыми клубнями. Занимались этим трое мужчин, под присмотром опытной огородницы Алевтины.

Остальные мужчины всё-таки приступили к постройке крепкого жилья, тут руководил Павел Аркадьевич, как признанный авторитет в сельском строительстве. Учитывая отсутствие тягловой силы в виде лошадей, деревья на брёвна пилили выше по склону, чтобы была возможность их скатывать. Вроде и бензопила была, и пять топоров, а дело шло медленно. Слишком на большой острог замахнулись горожане, да и опыта никакого не было. Практически никакого. Только Владимир, муж Алевтины, простой механик с сельской автобазы, построивший для своей родни два дома и четыре бани, был практиком в строительстве рубленых домов и валке строевого леса, кроме Павла Аркадьевича. Остальные имели об этом чисто теоретическое представление, чего не стали скрывать.

К счастью, у мужчин хватило здравого смысла не спорить с авторитетом, а выполнять все указания Павла и Владимира. Увы, опыта не хватало катастрофически, и постройка убежища затянулась надолго. Хорошо хоть фундамент не пришлось выкладывать, бутовый камень начинался с полуметровой глубины. На него и клали листовенничные брёвна, вечно пролежат. Венеция на сибирской листовеннице тысячу лет стоит. Основной периметр удалось возвести только через две недели, внутри которого приступили к строительству общежития. Да, именно общежития на двадцать человек. Где на первом этаже будут жить одинокие мужчины, а на втором – семейные пары и женщины. Надежда, главный химик, в это время занималась изобретением печей. Именно изобретением, а не постройкой.

Глины поблизости не было никакой, а уральские зимы без печи невозможно пережить. Топить очаги, как в чумах, туристы не собирались. Нет, если ничего не удастся придумать, придётся каждый день топить дом по-чёрному, а потом греться при тепле остывающих камней. Но это было слишком, при наличии детей и женщин. Поэтому Надежда в сопровождении вооружённого Толика изучала почвы окрестностей в поисках глины или материала для цемента. Одновременно она искала упомянутую Павлом Аркадьевичем железную и медную руду, желательно ближе к жилью. А Толик оказался одним из немногих свободных мужчин, выдерживавших разговорчивого химика в течение дня. Так, явочным порядком и сошлись учительница с офицером, день в июне долгий, читать им мораль никто не собирался.

Быстро наступил июль, близилось к концу короткое уральское лето. А успехи новосёлов оставались, мягко говоря, слабыми. Не дождавшись своих, бывшие пленники ушли на восток, рассказать «смотрящему» о чужаках, осевших на реке Ярве. Дети ловили рыбу, женщины соби-

рали грибы и ягоды. Всё это сушили, запасая впрок. Хотелось бы ещё солить, но соли было мало, её берегли. Холодильников не было, оставалось только сушить. Хотя к началу июля сделали копильню, ежедневно выдававшую до ста килограммов копчёностей, как правило рыбных. По совету Павла Аркадьевича охоту на горных козлов отложили на конец осени, когда наступят холода, чтобы запастись мороженым мясом. Он же торопил строителей, не уменьшая высоту стен, однако. Народ набирался опыта, наращивал мозоли на руках, рвал кроссовки и штаны об острые камни и сучья.

Короткие летние ночи проходили одна за другой, дело шло настолько уныло в постоянных плотничьих работах, что молодёжь стала терять терпение. Пошли разговоры, бросить, мол, всё да уплыть по следам врачей в Россию. Эти разговоры всё нагнетали атмосферу тесного общежития, пока не приплыл с низовьев реки военврач Валентин. Один, без жены, но с сыном. Он рассказал, что у врачей всё неплохо сложилось. Верительные грамоты вызвали у строгановских приказчиков доверие, невиданные сувениры были неплохо проданы и подарены. Довольно обеспеченные врачи отбыли на запад, в Москву. А сам Валентин не выдержал и вернулся, почувствовав, что его место, как офицера, на передовой, то есть в уральской тайге. В Москве ему будет душно.

Жанна, жена Валентина и сестра Алексея, наотрез отказалась возвращаться. Одна перспектива написать портрет самого Ивана Грозного, князя Курбского, Бориса Годунова и других исторических персонажей, вскружила художнице голову. Наталья, жена Алексея и сноха Жанны, полностью поддержала золовку, обещая предоставить ей видеосъёмку и фотопортреты всех интересующих персонажей. Результатом стал семейный скандал, вылившийся в раздел имущества и расставание супругов, со словами: «Раз мы не венчаны, в этом веке не считаемся супругами, будем жить, как свободные люди!» В принципе, это в характере Жанны, уже дважды уходившей от мужа и возвращавшейся обратно. Потому родственники расстались достаточно мирно, Алексей обещал Валентину не давать сестру в обиду.

Там же, в Чусовском Городке, только-только отстроенном Строгановыми, произошёл последний раздел имущества Валентина и Жанны. Муж отдал жене всю одежду и обувь, оставив себе только одну смену да нож с топором, рыболовные снасти и палатку. Трубы из нержавейки и алюминиевые, составлявшие каркас катамарана, врачи тоже отдали Валентину, оставив себе два надувных «банана». В принципе, всё это было собственностью Павла Аркадьевича, на что и обратил внимание Валентин. Пришлось врачам скрепя сердце оставить взамен половину лекарств, включая походный набор со стеклянным шприцем, стерилизатором, набором игл и десятью пачками ампул. В основном с сильнодействующими антибиотиками. Ну, и перевязочный материал, естественно. И, самое главное, два мешка соли, весом до ста килограммов.

Так что туристы получили не только «холостого» мужчину, врача с универсальными навыками, но и подлинное богатство в виде лекарств и заготовок под оружие. Всё это военврач умудрился привезти на купленной лодке, почти две недели усиленно выгребая против течения Чусовой. Кроме того, Валентин узнал текущую дату, правда, в другом летосчислении – 7078 год от сотворения мира. Павел Аркадьевич сразу пересчитал от Рождества Христова, получался 1570 или 1571 год, расхождение стандартное, получается, от плавающего Нового года. Он отмечался то в марте, то в сентябре, а с 1700 года в январе. Так, что обратный подсчёт давал ошибку плюс-минус один год.

Возвращение Валентина не только порадовало всех новостями. Военврач привёз с собой удачу, которая начала подбрасывать один подарок за другим. Мальчишки, забравшись на рыбалку в приток Ярвы, нашли там глинистую почву. После обжига опытных образцов оказалось, эта глинистая смесь отлично держит камни. На первом этаже выстроенного общежития приступили к выкладке печи. Надежда наконец нашла железную руду, всего в километре выше по течению Ярвы. Обжигать железо решили возле жилья, куда на катамаранах стали свозить

заготовленную руду. Пока её доставляли, начали пережигать дрова на древесный уголь. Опыта не хватало, даже с этим была морока. Но впервые появилась некоторая специализация. Пятеро плотников с пятью топорами достраивали общежитие, остальные мужчины добывали руду, подростки её перевозили. Женщинам досталось, как обычно, самое нудное и тяжёлое – пережигать древесный уголь и складывать печи. Вроде мелочь, а производительность увеличилась вдвое, наглядный пример пользы разделения труда.

Одним словом, дело сдвинулось с мертвой точки. И пошло, пошло, пошло, словно снежный ком с горы. Новости так радовали, что по вечерам, за ужином, каждый спешил поделиться свежими находками. Всего за неделю на первом этаже слепили и обожгли добрую печь, топившуюся без угара. Дым выходил в трубу, слепленную из глиняно-галечной смеси. Общежитие было готово к зиме, окна пока затянули плёнкой от мошки и комаров, в надежде найти слюду или её аналог. В каждой каморке-комнатке наконец выложили из струганых жердей лежаки, притащили тюльки вместо табуретов и столиков, жизнь начала принимать цивилизованные черты. Все спешили перебраться под крышу из палаток, несмотря на отсутствие дверей, которых заменяли пологи из чехлов. Больше всего деревенские жители боялись пожара и приняли все противопожарные меры, начиная от создания водоёма внутри острожка. Затем удалось отвести часть ручья, протекавшего по поляне, внутрь острога по выкопанному каналу. Эти бытовые успехи оценили первыми женщины.

Они же заставили срубить внутри острожка настоящую баню, да ещё «по-белому». Для мужчин, набивших за полтора месяца руку при обтесывании неподъёмных, метрового диаметра, листовниц, банька из осин показалась отдыхом. В пять топоров срубили её за три дня, выложили не только печь с каменкой, но и бак из глины с галькой для холодной воды. Потом ещё три дня обжигали и замазывали щели, пока не добились должной кондиции. И вот 1 августа по новому стилю 1570 года, или 22 июля 7078 года по старому стилю, первая капитальная баня принимала хозяев. До этого почти два месяца мылись в ставшей привычной для туристов походной бане, укрываясь полиэтиленовой плёнкой.

Командиры решили отметить знаменательное для души и тела событие первым же по существу, выходным днём, первым праздником в шестнадцатом веке для «магаданцев», коль решили так себя называть. К тому времени поспела бражка из малины, ежевики, корня солодки и всякой всячины. Ставили её в десятилитровой бутылки, так что каждому взрослому досталось по стакану после баньки. Мужчины вспоминали слова Суворова: «После бани портки продай, а водки выпей!», женщины радовались крепким стенам и крыше над головой, надёжной защите от лесных тварей. Эти лесные шалуны порядком достали женщин, таская любой кусок съестного, оставленный без присмотра, хоть на пять минут, лучше любой кошки. Вокруг поселения приболудились лисы, хорьки, две рыси, выдра, барсуки. Неделю бродила росомаха, нагло пыталась забраться в лабаз с копчёной и сушёной рыбой. Заметив, что люди не обращают на зверя внимания, росомаха дважды воровала со стоянки рыбы потроха, пока не была застрелена Володей. Жаль, картечь из гальки разорвала шкуру зверя, а мясо запретил есть Валентин. Всё же остальные твари присмирели, бродили по поляне лишь ночью.

Распаренные, разомлевшие мужчины, женщины и дети, собрались после бани в общей столовой на первом этаже. Вспоминали трудности и первые успехи, планировали работу на будущее. Толик достал свою гитару, забытую за последние недели тяжёлого труда, напел несколько песен, потом долго пели хором. Не только туристские песни, но и обычные, почему-то в основном на военную тему. Настолько все чувствовали себя, как на войне, что и настроение оказалось соответствующее. Потом, кажется, Надежда или Елена первой высказала мысль, что только сегодня почувствовала себя дома, именно дома, а не в походе. Её один за другим поддерживали холостяки, супружеские пары, подумав, согласились с этим. Результатом стало принятое безоговорочно предложение – считать первое августа днём основания маленькой

колонии магаданцев в шестнадцатом веке. Собираться в этот день вместе и, конечно, ходить в баню!

По общей договорённости все стали называть себя магаданцами в рифму слову «попаданцы», которое старались забыть. Ибо оно, как высказал своё мнение Валентин, уже повидавший русские власти, может навести на всякие мысли. Опасные... в первую очередь для бывших туристов. Поэтому самоназвание русские, попаданцы и прочие старались не упоминать, особенно при детях. Все строго называли себя именно магаданцами, как понятным, но безобидным словом. А для посторонних сразу становилось понятно, что это не русские, не подданные русского царя.

Уже поздно вечером, когда дети улеглись спать, Павел Аркадьевич рассказал, что помнит из официальной истории. Примерно через год или два, в 1572 году, на Каме будет восстание черемисов, которое докатится до строгановских земель. А летом 1573 года царевич Маметкул, видимо, тот самый «смотрящий» над Уралом от имени Кучума, разорит все русские поселения по Чусовой, дойдёт до Чусовского городка. Что там было в прошлой истории, отбились русские или нет, Павел Аркадьевич не помнил. Но летописцы утверждали, что строгановским землям был нанесён большой урон. Так что надо готовиться к войне в ближайшие два-три года.

– А сколько войск было у Маметкула? – первым вскинулся Петро, единственный реально воевавший офицер.

– Трудно сказать, – задумался географ, – возможно, несколько сотен или даже две-три тысячи. Летописи не всегда объективны, уменьшают свои силы, увеличивают силы врагов. Надо исходить из худшего варианта – две или три тысячи воинов, не больше.

– Да, тут одной картечью не отбиться. Надо пушки, настоящие, с дальностью выстрела полкилометра или больше.

– Будут вам пушки, – заметила Надежда, сжавшаяся под боком у Толика. – Я отличную медную руду нашла недалеко. Лучше помогите мне стекло сварить, там дуть надо в трубку, у меня лёгкие слабые. И, вообще, надо мастерские ставить отдельно от острога, но с возможностью обороны. Место я выбрала, в двадцати метрах по ветру, чтобы не отравить всех ядовитыми выбросами, когда буду кислоты вырабатывать.

– Договорились, жильё в общих чертах готово, – подытожил Пётр. – Мебель и прочие мелочи оставим на холодное время. Печники пусть выкладывают две печи для выплавки железа прямо у выгруженной руды, а строители переходят на мастерскую. Стекло нам надо до холодов сварить да в окна вставить. Слюду до сих пор не нашли, а покупать не на что. Мы с инженерами займёмся с завтрашнего дня выплавкой железа. Как, Павел Аркадьевич?

– Нет возражений.

Железо выплавляли двумя способами, классическим средневековым, по указанию историка и Володи, видевшего нечто подобное в сельских кузницах. Вроде смешанного расплава руды, проложенной рядами угля, с подачей воздуха, естественно. Рядом два инженера пытались получить железо более прогрессивным методом, через выплавку чугуна с последующей его переделкой, с наддувом воздуха. Большие меха соорудили всё из тех же брезентовых чехлов. За объёмами не гнались, отрабатывали методику, наиболее удобную в местных условиях с местными рудами. С переделками самих печей на каждую загрузку уходили три-четыре дня, однако «опыт, сын ошибок трудных» всего через пару недель позволил получить сначала первое мягкое железо, затем чугун и, наконец, сталь. Всё было страшно неоднородное, однако было!

Володя тут же занялся кузницей, в которой молотобойцами оказались Пётр и Николай. Впрочем, они и без того были самими сильными, а работу молотом восприняли важнейшей в деле создания оружия. Офицеры за месяц экспериментов по выплавке стали почувствовали себя ненужными на фоне инженеров. Работа молотом давала им моральное право встать на равный с остальными мужчинами уровень. Пётр особенно понимал это, стараясь работать на

износ, иначе не сможет командовать остальными в нужный момент. Николай, более авантюрный, воспринимал работу в кузнице заменой своим тренировкам в рукопашном бое, которые запустил. Опер, работая молотом, попеременно менял хватку молота, с правосторонней на левостороннюю, добиваясь равномерной нагрузки на мышцы. Иногда приседал одновременно с ударом, тренируя ноги.

Первое стекло Надежда и Толик сварили ещё до окончательной постройки мастерской, пока ладили крышу. Увы, на окна оно не годилось, из него Толик выдувал химическую посуду, различные колбы, трубки и змеевики. Потом спохватились женщины и потребовали банки под продуктовые запасы, под соленья и маринады. На них стеклодувы набивали руку и лёгкие весь август. Зато к началу сентября, к первым заморозкам, появилось и первое прозрачное стекло. Его отливали, как блины, в квадратные формы из листового железа.

Да, в конце третьей недели экспериментов инженеры Ольга и Татьяна, оказавшиеся самыми удачливыми плавильщиками, получили тонны две настоящего железа. Мягкого, некачественного, но железа. Что-что, а закалять уже имеющееся железо умел даже Володя, сельский автомеханик. Поэтому, едва в окнах общежития, бани и мастерской были вставлены стёкла, командиры выдвинули лозунг: «Все на заготовку руды! Даешь сто тонн железной и медной руды на зиму!» Конечно, кроме руды, запасали и сырьё для стеклодувов, так что работы хватило всем. Сентябрь и половина октября прошли в интенсивных работах по вырубке и доставке руды. Работали без выходных, оставив ловлю рыбы на женщин и детей, они же собрали первый урожай картошки, на который никто не покушался.

Пока не наступили сильные холода и магаданцы могли в своих туристских фуфайках передвигаться вдали от дома, на катамаранах приступили к подвозу руды. За день доставить больше пяти-семи тонн получалось редко, однако за сентябрь заготовили необходимое количество не только руды, но и топлива. Его требовалось всё больше и больше, углежогам едва справлялись с заказом. Надежда, получив необходимую химическую посуду, приступила к получению кислот, серной и азотной. Мастерская надолго стала местом, которое избегали посещать даже командиры, противогазов-то не было. Только влюблённый Толик практически перебрался туда жить, вместе с Надеждой, разумеется. Там они оборудовали себе уголок, поставили топчан с надувным матрасом и приходили в общежитие лишь поужинать да узнать новости.

Пока не встали морозы, выкопали две огромные овощные ямы. Одну под общежитием, вторую просто во дворе острога, под дровяным навесом. Копали долго, да и не копали, а долбили ломом и кирками, выкованными из своего железа! Хоть и неказистый, но инструмент у них появился. Кузнецы выковали полсотни лопат, топоров, кирок, ломов, тренировались в изготовлении двуручных пил. Ножей, ножниц, прочей мелочи пока хватало. Так вот, почвы как таковой по всей поляне было не более полуметра, ниже начинался камень. Сначала мелкий щебень, глубже галька, за ней глыбы песчаника или известняка. Этими плоскими пластами бутового камня Пётр велел покрыть все крыши, не только на жилом доме, но и на бане, мастерской и дровянике. А остаток выложили у стены острога, про запас. Работа вышла нудная, тяжёлая, но обе ямы получились огромными, четыре на четыре метра, хоть живи там.

Одну из них сразу готовили под ледник, а в ту, что под общежитием, начали стаскивать запасы. Картошка дала фантастический урожай на нетронутый земле. С одного мешка собрали семьдесят вёдер картофеля. Полсотни вёдер самой крупной отправили на семена, а остальную мелочь оставили на еду. И то сказать, мясо с рыбой изрядно надоело. Побаловались свежей картошкой в праздник урожая, взрослые самоотверженно решили оставить её для детей. Понимая, что одним мясом и рыбой сыт не будешь, командиры отправили лодку вниз по Ярве закупать продукты. Нужно проверить свой товар, как будет востребован, да поспешить до ледостава. И, обозначить своё присутствие для строгановских воевод, завести знакомства.

Поплыли Николай с Валентином, загрузив в лодку самый ходовой товар, по заверению военврача, – стеклянную посуду и немного оконного стекла, заготовки для ножей и наконечники стрел, во множестве выкованные на пробу, при получении различных стальных образцов. Командиры поставили целью научить всех мужчин и подростков работать с железом, выдувать стекло и стрелять из ружей, хоть и самодельных. Так что для подростков ежедневная практика в кузнице или литейке была обязательной, хотя и не надолго, на час-другой. Планировали плыть, пока не расторгнут весь товар, но вернулись уже через три дня. Оказывается, всё железо – ножи и наконечники, выменяли рядом, в соседнем вогульском селении в устье Ярвы.

Причём на обратном пути лодка едва возвышалась над поверхностью реки, столько мешков с зерном и мукой нагрузили вогулы в обмен на магаданскую сталь. Туристы, привыкшие к недорогому железу в будущем, не ожидали, что его так ценят в шестнадцатом веке. Да и оба офицера абсолютно не умели торговаться. Так, что в следующую торгово-закупочную экспедицию отплыла Елена, хотя и учительница, но весьма практичная женщина. С ней напросился Николай, для укрепления завязавшихся контактов в среде вогулов. На сей раз торговцы прожили в вогульском селении почти неделю. Торговали не только с местными вогулами, но и с представителями двух соседних селений. Зато результаты выразились не только в мешках с мукой и зерном, и даже не в связке собольих и куньих шкурок.

Николай доложил командирам, что договорился с несколькими вогульскими охотниками о взаимной помощи в случае нападения на любое из селений. Даже не столько помощи, сколько своевременного предупреждения, включая дымовые сигналы. Учитывая специфику уральских гор и лесов, любое перемещение сколь-нибудь крупных отрядов людей возможно только по речным руслу. Реки здесь мелкие, глубина по пояс, дно твёрдое, каменисто-галечное. Потому опасности для магаданцев можно ждать снизу по течению Ярвы, либо сверху. Как раз туда, вверх по течению, и просил разрешения отправиться Николай, чтобы завязать знакомства, договориться о помощи.

Учитывая его удачный опыт в устье Ярвы, командиры разрешили сыщику с Еленой отправиться вверх по реке. Продуктов там, конечно, не выменять, зато можно разжиться мехами и познакомиться с соседями. А продуктов, собственно, вполне хватит до следующего лета, если зимняя охота на горных козлов будет удачной, как обещал Павел Аркадьевич. Но на неё рано отправляться, морозы ещё не крепкие, мясо не сохранишь. Перед отплытием уставший плавать, как индеец, с одним веслом, Николай установил на лодку распашные вёсла, со стальными уключинами и рулевое весло. Так будет удобнее и быстрее, да и соседи пусть любуются, может, решат купить подобное устройство.

Отплыли торговцы пятнадцатого октября, а через день на юге, в низовьях Ярвы, появился сигнальный столб дыма, предупреждающий об опасности. С низовьев реки в сторону магаданцев двигались вооружённые люди.

Глава 3

Десятник отборной сотни царевича Маметкула, наместника Кучума над уральскими вогулами, недовольно обернулся. Столб дыма далеко был виден в ясную солнечную погоду.

«Предупредили, шайтановы дети, – скользнуло лёгкое сожаление. – Ничего, далеко лапотники не разбегутся. В составе полусотни трое опытных охотников, охотников за людьми. Они легко выловят всех русских, вздумавших селиться на землях хана Кучума, потомка великого Чингисхана».

Десятник Килим придержал коня, пропуская полусотню вперёд.

– Быстрей, черепахи, быстрей! – Затем потрусил вдоль извилистого берега Ярвы, обдумывая, как правильно подать Маметкулу результаты своего похода.

Килим понял, что дождался своего случая подняться из простых десятников, когда царевич отправил его в устье реки Чусовой. Шесть лет преданной службы в сотне, из них четыре года десятником, сделали своё. Царевич доверил Килиму несложное, но важное поручение. И в знак доверия поставил под его командованием целую полусотню. Пусть настоящих воинов там был лишь один десяток, а остальные – сброд, крутившийся у ног царевича в ожидании подачки. За месяц командования этим сбродом десятнику удалось вбить им должное подчинение и приучить к слабой дисциплине.

Хотя, честно говоря, не было случая показать разгильдяям, что такое настоящий бой, что такое правильная дисциплина. Полусотня, как деревянный совок для сбора клюквы, прошла по вогульским селениям на Чусовой, собирая лучшее, оставляя сор на земле. А в низовьях реки, у впадения в Каму, верные слуги царевича разорили два русских селения. Без всяких потерь захватили три десятка русских рабов, включая детей. Да обстоятельно выполнили указание Маметкула – разведали подступы к строгановским крепостям, Орёл-городку и Чусовскому Городку.

Беспокоить русских нападением не стали, но внимательно высмотрели укреплённый тын, а через лазутчиков сосчитали число воинов в острогах и даже количество пищалей. Лет пять назад молодой Килим рискнул бы проверить оба городка на крепость. Вряд ли захватил, но чем аллах не шутит. Рассказывали опытные десятники о таких случаях, когда с налёту брали укреплённые остроги и покрепче Орёл-городка. Но это могло быть раньше, а не сейчас. Да и никто бы не доверил молодому Килиму целую полусотню.

Нынешний десятник за годы службы Кучуму и царевичу Маметкулу понял важность правильного выполнения приказов. Ханы ценят не смелых и удачливых воинов, а надёжных и покорных воевод. Сколько смельчаков сложили свои головы не на поле битвы, а в войлочных шатрах на задворках ханского дворца? Кто теперь их помнит? А надёжные и молчаливые бойцы, как Килим, дождались своего часа. Да, если десятник правильно выполнит волю хана, всё может быть, всё.

Килим усмехнулся, вспомнив вчерашний испуг вогульского старосты, когда ханские воины на обратном пути от русских селений заглянули к своим данникам на правом берегу Чусовой. Десятник знал, что без проверки данников, хоть хан и не упоминал об этом, его поход будет неполным. Более того, если Маметкул не получит собранную дань, любые результаты разведки пойдут коту под хвост. Здорово староста вчера испугался, да и сам Килим не дурак, догадался наудачу спросить о чужаках, поселившихся по соседству. Не знал десятник ни о каких чужаках, даже не догадывался, да и откуда?

Но, как говорят русские, мастерство не пропьёшь. Годы службы при хане наложили свой отпечаток. Толковые воины умели использовать страх для получения информации, и не только её. Сколько напуганных крестьян присылали подарки в шатёр десятника, а какие девицы согре-

вали походное ложе воинов хана! Если бы дикие охотники не были запуганы намёками на то, что десятник что-то знает, ничего такого он не получил бы. Вот и вчера – удача так удача! Дурачок староста не только выдал чужаков, но и рассказал, что среди них есть умелые кузнецы и стеклодувы. Воины Килима проверили, так и есть, в каждом чуме нашлись стеклянные чашки, пусть из мутного, но стекла. Да и наконечники стрел у дикарей не походили на русскую работу. Староста подробно рассказал, сколько чужаков, где живут, даже подаренный ими нож выдал. Трус, такой нож сам Килим никому бы не отдал, такой стали и качества обработки десятник не видал, а ручка ножа словно прилипла к ладони, мягкая, как кожа, но твёрдая, как дерево.

Этим доносом староста приговорил соседей-чужаков к жизни, да именно к долгой жизни рабами в мастерских хана Маметкула. Вовремя десятник сообразил, что пара мастеров, подаренных царевичу, станут лучшей ступенькой наверх, на место сотника. Царевич по достоинству оценит талант и преданность Килима, сумевшего отыскать в навозе жемчужное зерно. Если Килим принесёт Маметкулу трофеи, подобные ножу, отобранному у старосты, место сотника будет заслуженной наградой. Ай, хорошо получилось, как в притче, рассказанной бродячим дервишем, про петуха, нашедшего в навозной куче жемчужину. Надо запомнить сравнение и упомянуть при удобном случае, когда рядом с ханом никого не будет. Пусть видит, что Килим не тупой деревенский выскочка, а преданный и сметливый человек. Только не умный, упаси аллах, назвать себя умным или дать повод для этого другим.

Десятник аж вздрогнул, испугавшись такого будущего, если его прилюдно посчитают умным. Как коротка станет его жизнь, упаси аллах. Но тут его внимание отвлекли неуклюжие постройки на берегу, полусотня добралась до селения чужаков. Десять всадников неспешно выбирались на высокий берег Ярвы, на чистую площадку перед острожком. За ними торопливо поднимались по склону три десятка пеших воинов с копьями. Им уже пришлось грабить два селения русских, где каждому удалось разжиться кое-какой мелочью. Никто не хотел остаться без добычи, все выбрались на небольшую поляну на берегу Ярвы, рассматривая кособокое строение. Стены из вековых лиственниц смотрелись внушительно, однако опытный десятник заметил сразу, что его люди перемахнут защиту острога без всяких лестниц.

– Керим, проверь, что позади острога, – указал камчой Килим своему старому товарищу по десятку. Судя по неуклюжей и горбатой стене, не такие и мастера эти русские. Топор в руках точно держать не умеют. Но раз уж добрались сюда, придётся их брать, там разберёмся, какие они мастера, огорчился десятник.

– Там нет никого, брёвна разбросаны, – быстро доложил вернувшийся Керим.

– Поставь пару лучников, чтобы не сбежали, – Килим подъехал к запертым воротам острожка и постучал рукояткой камчи в тёсанные плахи створок. – Открывай, урус, разговор есть.

«Однако, – мелькнуло в голове десятника, когда он рассмотрел ворота ближе. – Петли железные, кованые. Мастера, похоже, есть, повезло мне с добычей».

– Чего надо, – без всякого уважения раздался голос уруса, появившегося над бревенчатой стеной. – Ты кто такой наглый?

От возмущения у Килима пересохло в горле. Давно он не слышал подобного хамства, да ещё в отношении ханского десятника. Он вдохнул воздух и выпустил его без звука, повторяя себе: «Не торопись, гнев плохой советчик. Урус специально тебя дразнит».

– Я десятник царевича Маметкула, правой руки самого хана Кучума, – по-русски Килим говорил довольно уверенно, его кормилица была русской рабой. – По какому праву ты, урус, выстроил свою деревню? Это земли великого хана, и ты должен получить его разрешение для поселения здесь! Быстро открывай ворота и вставай на колени, моли о пощаде! Иначе лишишься жизни за самовольный захват ханских земель.

– Я тебе, ханская морда, не урус! – расхохотался человек на стене, без всякого испуга выслушавший речь Килима. – Мы не русские, мы подданные великого восточного царства

Магадана. Царь Магадана может всё ваше вшивое ханство за полгода отполировать, но нищие подданные ему не нужны. Живите себе в вонючих чумах и юртах, жрите свою конину и радуйтесь, что мы вас не трогаем. А земли здесь наши, магаданские, ибо, куда ступила нога магаданца, там его земля навеки. И никаких разрешений нам не требуется. Пошёл прочь, попросайка.

Килим молча сидел в седле, наливаясь гневом. Он уже не думал о спокойствии, из головы совсем выскочили разумные мысли о мудрых действиях. Слушая непотребные высказывания дикаря, осмелившегося поставить себя выше десятника, а своего дикого царька выше самого Кучума, ветеран испугался. Он понял, что эту гнусную, грязную скверну слышат его подчинённые. Ладно, воины его десятка, они люди надёжные. Но с ними три десятка сброда, только и ждущих, чтобы поставить подножку тому, кто выше, ближе к ханскому трону. Чтобы занять его место, место Килима. И если Килим не пресечёт помой, выливаемые дикарём на великого хана, до зимы он рискует не дожить. Если оскорбили великого хана, даже час отсрочки в атаке может оказаться роковым для Килима.

– Вперёд, взять их! – Десятник потянул руку к колчану, досадуя, что не натянул тетиву на лук заранее. Иного выхода, как атаковать дикарей, не было. Жаль, могут пострадать мастера, но пусть лучше все дикари сдохнут, лишь бы не попасть в немилость хану.

Килим ещё успел заметить, как пешие воины карабкаются на стену по брёвнам, как по ступеням, и подумал, что мастера могут и попасть в плен. Но огонь, вырвавшийся из пищали, появившейся на верхнем срезе стены острога, был последним его наблюдением. Грома выстрела разорванная на мелкие куски голова неудавшегося сотника не услышала.

Не прошло и получаса, как оставшиеся в живых после оглушительной канонады ханские воины были крепко связаны. Четырёх уцелевших лошадей поймали Павел Аркадьевич и Володя, единственные сельские жители среди мужчин, на практике имевшие дело с четвероногим другом. Толик с Валентином спешили допросить пленников, пользуясь «моментом истины». А Петро бродил по месту скоротечного боя, рассматривая ранения выживших и убитых кучумцев. Из магаданцев никто не пострадал, хотя нападавшие успели выпустить десяток стрел. Но стреляли не прицельно, навесом, магаданцы же не страдали излишней ретивостью, не высовывались.

После того как первыми выстрелами были выкошены ближайšie к острожку воины, а из десятка покойного Килима остались в сёдлах лишь двое, Петро громко предложил всем сдаться, обещая жизнь, чем шокированные захватчики и воспользовались. Дополнительным аргументом послужили два метких выстрела, выбивших из седла оставшихся ветеранов, решивших скрыться. Правда, второй выстрел свалил коня, а не всадника, но это лишь усилило воздействие на подопытных, как говорят медики. Опытный командир, Петро, не упустил момента, когда можно выбегать и связывать пленников. Теперь он проверял, кто ещё выжил, восстанавливая картину боя.

– Командир, – поспешил к нему Толик, – у вогул ещё пятеро этих сидят. Да с ними душ тридцать русских пленников. Надо выручать, однако.

– Что за люди?

– Простые мужики, бабы с детьми, две русские деревеньки в устье Чусовой они порушили. Там, говорят, на пять лодок добра разного, что кучумцы награбили и дань у вогулов взяли. Люди нам нужны, до зимы они себе избы срубят, на трофеях прокормим, а?

– Строгановы что скажут? Людей обратно затребуют? Зачем нам ссориться?

– Ну, не знаю. По Русской Правде, насколько я помню, освобожденных пленников забирал победитель себе или домой отправлял. Сейчас, правда, на Руси должен действовать Судебник, его я не знаю, не читал. Погоди, мы же иностранцы, у нас свои законы. Пора приучать к этому всех соседей, что нам не указ чужие законы, поступаем по своим правилам. По нашим правилам пленники принадлежат тем, кто их освободил.

– Хорошо, – Пётр с сожалением взглянул на осеннее солнышко, уже клонившееся к закату. – Сегодня уже не успеем засветло, придётся утром затемно отплывать. Ты уточни, где пленники, где кучумцы ночуют, пусть несколько человек нарисуют расположение. Думаю, брать надо не утром, вдруг они жаворонки. Поплывём в полночь, с фонариками. Пойдём втроём – я, ты и Серёга. Он сегодня отлично отстрелялся.

– Понял, – чуть не козырнул Толик, направляясь к пленникам. Очень удачным вышло первое сражение, никто из кучумцев не успел скрыться, да и кони радовали.

Петро вздохнул и принялся сдирать с мёртвых одежду. Поручить особо некому, оба офицера заняты, женщины в обморок упадут от подобного предложения, да и завшиветь побоятся. Остальные мужики, конечно, помогут, но с их боязнью и брезгливостью быстрее самому всё сделать. Но ничего, вскоре к командиру вышел Володя, не страдавший комплексами. Вдвоём они за полчаса управились, оттащив голых мертвецов на берег Ярвы. Куда девать убитых, не понятно. На здешних почвах, где плодородного слоя пара дециметров, не больше, копать могилы никто не собирался. Бросать в реку, неудобно, речка мелкая, извилистая, трупы будут полгода гнить, зацепившись за корягу. На фиг такое соседство.

От посторонних глаз гору трупов укрыли лапником, вымыли руки, после чего вернулись к живым. Военврач уже успел осмотреть всех раненых, некоторых перевязал, безнадежных положил отдельно.

– Докладываю, – присел и закурил Валентин рядом с Петром. – Пленных кучумцев тридцать два, из них пятнадцать раненых. Восемь лёгких ранений, заживут без особых проблем. Три ранения средней тяжести, перебиты кости ног или рук. Лубки я наложил, но нужна неподвижность, могут срастись криво. Четверо безнадежных, с проникающими полостными ранениями, оперировать не могу, да и не буду. Умирать будут тяжело, пару дней будут орать, обезболивающее тратить не хочу на этих гадов. Может, прирезать?

– Посмотрим. Тяжёлых раненых пусть отнесут в мастерскую, там окон нет, снаружи запоры крепкие. Остальных куда?

– Я уже думал, – подсказал военврач. – Давай их в дровяник запрём, только дрова вынесем. Стены бревенчатые, крыша усилена сверху бутовым камнем. Всё равно ночью дежурство назначать, тут, хоть видно и слышно будет.

– Хорошо. В полночь мы с Толиком и Серёгой вниз пойдём, на катамаране. Ты утром отправь ребят кандалы ковать, железные полосы длиной полметра, никуда от этого не денешься. А мы постараемся засветло вернуться. Да трофейные сабли заставь всех парней с утра прицепить. Хуже не будет. Вдруг какой идиот бросится, с безоружным, полагаю, сабля поможет справиться. Если сабля не нравится, пусть надевают охотничьи ножи на пояс, и остальные тоже, включая женщин. Ну, это мы завтра обговорим. Сутки продержись, пожалуйста, Валя?

– Сделаем, не волнуйся.

Пока размещали пленников, пока ужинали, короткий осенний день закончился. Будущие диверсанты-освободители легли поспать на пару часов. Петро с Толиком заснули настоящим солдатским сном, едва голова коснулась подушки. А Сергей, впервые в жизни стрелявший в людей, убивший, как минимум двоих кучумцев, не мог уснуть. В голову лезли всякие глупые мысли, почему-то вспомнились драки с соседскими мальчишками в детстве. Затем память начала подсовывать всякую ерунду из прошлого, отрывки из фильмов ужасов и боевиков. Так и провалился Серёга на своей койке в безнадежных попытках заснуть. Хорошо хоть тело отдохнуло от дневного напряжения.

Трое мужчин отплывали на катамаране тихо, без прощальных речей, в полной темноте. Один Павел Аркадьевич провожал освободителей. Из оружия офицеры взяли ножи, трофейные топоры и самодельные огнестрелы. У Сергея был только огнестрел, его задачей ставилась охрана катамарана на берегу и отстрел бегущих кучумцев, если не удастся всё проделать тихо.

За полчаса проведённого ещё в комнате совета все запомнили расположение чума с кучумцами и место, где держат пленников. Петро распределил роли, несколько раз заставив Сергея повторить свои действия.

Плыли в тишине, без разговоров, изредка подсвечивая путь фонариком. На десять километров ушли два с половиной часа. Когда река вынесла катамаран из леса к устью Ярвы, на открытом месте стало довольно чётко видно чумы. Жесты командира тоже можно было различить, действовали по его указаниям, молча. Оставив Сергея на берегу, с двумя зажигалками в кармане, на всякий случай, оба офицера осторожно приблизились к нужному чуму. Хорошо, у вогулов не было собак, ни одна живая душа не заметила диверсантов.

Изначально договорились бить кучумцев обухами топориков, чтобы не забрызгать всё кровью. Фонарики у офицеров были самые диверсантские, налобные. Батарейки там почти сели, но на пару секунд должно хватить. Вот нажаты кнопки фонарей, бледные пятна освещают стену чума снаружи, Толик отдёргивает незакреплённую занавеску входа, и Петро врывается первым. За ним проскальзывает сыщик. Раздаются глухие удары по высеченным головам, в полном молчании. Потом оба диверсанта вздыхают, фу-у, какой перегар!

Позднее Петро и Толик хохотали, вспоминая ту ночь. Перепившихся татар можно было вытаскивать за ноги, они бы не проснулись. Однако офицеры всё равно быстро связали полумёртвых от браги и ударов кучумцев. Затем при свете издыхающих фонарей обыскали чум, прихватив найденное оружие и пару связок с соболями шкурками. Вроде всё, можно идти дальше. Но перед этим оба вернулись на берег, отдали трофеи Серёге, успокоили парня.

К яме, в которой жались друг к другу замерзающие пленники, подошли через полчаса.

– Православные, вы живы? – негромко произнёс Петро. – Татар мы побили, выходите, кто живой.

Из неглубокой ямы раздалось всхлипывание, и женский голос ответил:

– Мы связаны, не можем выйти.

Пришлось Толику лезть в яму, заполненную нечистотами, разрезать кожаные ремни на руках и ногах пленников. На ногах мужчин уже были набиты деревянные колодки, их разбивали сами рабы, едва им разрезали путы на руках. Все были полуодеты, дрожали от холода, в грязи, сырые, это в октябре... Каково? Как только все пленники выбрались из ямы, Пётр отвёл их к берегу, на котором вдали от воды стояли пять больших лодок, накрытых сверху шкурами. Тут командир быстро разобрался с трофеями, заставив пленников одеться, возможно, в свои же полушубки и онучи.

Мужчины под руководством подполковника организовали три костра, на которых трясущимися руками принялись варить каши, сразу в трёх больших котлах. Всё это время пленники жевали, запихивая в рот горсти муки, крупы или другой провизии. Надо полагать, что поднятый шум разбудил вогульское селение лучше любой тревоги. Глядя на ослонивших от тепла и непривычной сытости освобождённых рабов, Петро напомнил Толику об осторожности и старосте-предателе. Оба офицера осмотрели свои поджиги, приготовились к непростому разговору с вогулами. Ибо как никто другой понимали их. Вполне возможно, что в дремучих умах аборигенов, запуганных Кучумом, может возникнуть мыслишка спастись от его гнева.

Схватить чужаков, убивших кучумовских воинов, да выдать их хану. Сразу все получают милость и благодарность от хана, заодно непонятных соседей уберут. Долго бродили по стойбищу вогулы, не решаясь подойти к берегу. Уже пленники сварили кашу и наелись, если не досыта, то достаточно, чтобы сыто дремать. Солнце поднялось, осветило пять связанных кучумцев, лежащих возле чума. Толик расшевелил пятерых мужиков, сходил с ними до связанных татар, которых те притащили волоком до лодок. Сам Пётр не собирался вступать в разговоры с вогулами, пока не определится с освобождёнными русскими крестьянами.

– Ну, православные, давайте решать, как жить будем, – начал разговор командир, которому Павел Аркадьевич рассказал за прошедшее время особенности общественных отноше-

ний на Руси. – Мы татар побили, теперь домой пойдём, вверх по Ярве. Там наш острог стоит, кузня выстроена, там предлагаю и вам поселиться. Место есть, избы срубить до холодов успеете. Холопить вас не буду, живём мы обществом, дружно и спокойно. Но сразу скажу, что общество скажет – выполнять беспрекословно. Тогда мы любых врагов побьем, как нынче татар побили, что вас пленили. Мы люди хоть и православные, но царю Ивану не служим. Царство наше далеко на востоке, а мы живём по чести, по справедливости. Без бояр и попов.

– Оружие наше огненного боя, мастера делать его умеют, и вас научим, и детей ваших. Читать-писать на-учим, нам толковые люди нужны, – подлил масла в огонь Толик, заметивший интерес в глазах детишек. Для женщин он добавил: – Мастера наши стеклянную утварь делают. Во всех домах и банях печи по-белому. Голодать не голодаем, но командира нашего слушаем, аки отца своего.

– Неволить никого не буду, те, кто не хочет с нами жить, волен прямо сейчас отправляться в любую сторону. Топор и нож дадим. Остальные решайте, полчаса вам на размышление. – Петро кивнул головой Толику и направился в сторону стойбища. Пора было поговорить со старостой.

Подойдя к дрожавшему от испуга вогулу, командир долго давил того взглядом, пока староста не начал оправдываться, путая русские и вогульские слова. Он говорил-говорил, жаловался на татар, на русских, почему-то на плохую охоту, на больную жену, затем иссяк. Тогда приступил к разговору подполковник. Парой фраз обрисовав текущий политический момент, он чётко сказал, что враги и предатели в соседях не нужны. Поэтому предлагает старосте выдать своего племянника в качестве аманата. Тогда, мол, мы будем уверены в том, что о нападении врагов соседи предупредят, да и сами поможем, случись чего. Иначе всех пленных татар выпустим и предупредим, что их вогулы предали. До запуганного старосты доходило не быстро, но в полчаса уложились.

Ведя за руку первого заложника, командир вернулся к трофеям и бывшим пленникам.

– Ну, что решили?

– Мы идём под твою руку, господин, – дружно поклонились все в пояс. – Будем жить, как общество велит, но в кабалу не пишемся, ты обещал.

– Согласен, будете жить с нами свободными людьми, но по нашим законам, понятно?

– Да, господин, – вновь поклонились крестьяне.

– Не господин, а командир, – ухмыльнулся Толик, с интересом наблюдавший процедуру.

– Тогда быстро грузим лодки и отплываем! – громко скомандовал подполковник.

Обратная дорога заняла не так много времени, когда лодки полны гребцов, а русло реки изучено и расчищено. Часам к двум пополудни плавающий табор причалил к родным берегам. Пока женщины с детьми выгружали трофеи на берег, Петро провёл мужикам экскурсию по хозяйству. Показал заготовленные брёвна под строительство, сводил в баню, продемонстрировав белую печь. Всех поразили оконные стёкла и главный литейщик – женщина. После экскурсии все восемь семейств русских переселенцев получили топоры, ножи, котелки и немного продуктов, большей частью отобранных татарами у них же.

Сытно пообедав, православные приступили к обустройству. За пару часов до темноты соорудили временки, в виде небольших шалашей, устланных лапником. Учитывая, что они спали там, тесно прижавшись друг к другу, под ворохом шкур, не замёрзнут. Пускать же аборигенов в общежитие магаданцы побоялись, слишком много насекомых было на одежде пленников да и в шкурах, которыми те укрывались. Интересно, что никто из освобождённых пленников, включая детей, не простыл и не заболел. Пока новые соседи отстраивались, у магаданцев хватало забот с пленниками. Да и с умершими и убитыми татарами тоже. Ну, убитых и умерших от ран татар на следующий день сплывили на двух трофейных лодках до Чусовой, где ниже вогульского стойбища сбросили в воду. Пусть плывут в голом виде, кормят раков и налимов, все православные поймут и возрадуются при виде такого утопленника.

А выжившие пленники получили себе на ноги кандалы, но без цепей. Каждому пленнику Толик подбирал объём железного обруча на ногу индивидуально. В результате ходили татары вполне спокойно, без неприятных ощущений. Но при попытке прыгнуть или побежать опорные сухожилия резко расширялись, наталкивались на железо, и ногу схватывало от сильнейшей боли. Учитывая, что татары использовались на классическом лесоповале, таких мер безопасности вполне хватало. Правда, пришлось по очереди дежурить на охране этих «забайкальских комсомольцев», по двое мужчин с оружием на весь день. Что же, издержки средневековья, шутили инженеры, становясь конвоирами. На всякий случай топоров выдавали пленникам всего шесть штук, а деревья они валили обычными двуручными пилами, выкованными в «своей» кузне.

Всю неделю, под присмотром Валентина, женщины-крестьянки пропаривали свои и трофейные одежды, шкуры от блох и других насекомых. С ними приучался к чистоте и гигиене аманат, толковый подросток. Татары и крестьяне пытались возмутиться, но с военврачом не поспоришь, в баню ежедневно загоняли всех пленников и примкнувших крестьян. Будут они мыться, не будут, баня и без того топилась ежедневно до красного каления. Отдельная, большая баня, её крестьяне выстроили за один день, пока подсыхала печь, топили очагом. В магаданскую баню пленников и аборигенов пускать не стали, брезговали даже мужчины. Однако и карантинной бани хватило, чтобы через неделю вопрос о насекомых сняли с повестки дня.

Пока пленники добывали строительный материал, крестьяне спешили выстроить себе жильё. Возможно, впервые в жизни не обычную полуземлянку, топящуюся по-чёрному, а настоящее, «барское» жильё. Войдя в изумление от бензопилы, коей Володя помогал распиливать брёвна, отцы семейств получили дополнительное подтверждение правдивости обещаний командира. Все последующие дни православные бойко работали топорами, показывая магаданцам истинный класс владения инструментом. Изначально дома хотели ставить по старинке, входом на юг, далеко друг от друга. Но командиры настояли, чтобы дома ставили почти вплоты, четыре дома подряд в линию под прямым углом к другим четырём домам, тоже выстроенным в тесную линию.

Двери выходили уже не на юг, а на юго-восток и юго-запад. Зато восемь домов образовали две стены будущей крепости, глухими, безоконными стенами наружу. Между домами оставили небольшие проходы, метровой ширины. Да, неудобно, да, мало окон. Так это мало для магаданцев, привыкших к окнам в каждой комнате. А в крестьянских старых избах всего пара окошек было, больше похожих на бойницы по размеру. После них два больших окна в избе, пусть и на одну сторону, для крестьян выглядели роскошью. Зато при нападении все окна останутся целыми, стёкла менять не придётся, обратил внимание новосёлов Толик. Через неделю, когда три из восьми новостроек были подведены под крышу и магаданцы учили хозяев строить печь, вернулся Николай с Еленой. Они привезли ворох шкур, наторгованных на стальные ножи и наконечники стрел, огромное количество новостей и... новорожденную девочку.

В одной из охотничьих стоянок, где магаданцы меняли свои товары, за день до их приезда охотник похоронил жену, умершую после родов. Дочь его выжила, но при наличии двух старших детей, четырех- и семилетнего возраста, шансов выжить у новорожденной не было, у папашы и без того забот полон рот. Женщин-кормилиц поблизости не было, коров тоже не наблюдалось, отец уже готовился, что дочка уйдёт вслед за матерью. Но Елена уговорила отдать девочку, надеясь с помощью женщин спасти кроху от верной гибели. Она помнила, что на складе хранится двадцать банок сгущенного молока, уйма овсяной каши в пакетах, не говоря о десяти килограммах гречки, двадцати килограммах риса и пшёнки. Туристы в своё время основательно запаслись продуктами, которые старались не тратить без причины, пока пищи хватало. Вот, нашлась стоящая причина, о чём не пожалел ни один магаданец, кроме детей, пожалуй. Так и пришлось с каждой банки сгущёнки, потраченной на кроху, выдавать по ложке более взрослым детям, без обид чтобы было.

Едва удалось накормить плачущую кроху разведённым сгущенным молоком, как женщины надели на командиров с требованием непременно достать козу или корову, да ещё срочно. Учитывая выживших четырёх лошадей, нуждавшихся в сене или овсе, ехать в Орёл-городок или Чусовской Городок так и так было необходимо. Однако наступала пора ледостава, первой встала Чусовая, за ней в течение недели Ярва покрылась тонким прозрачным льдом. Заметно похолодало, градусов до двадцати ниже нуля. Однако все печи у новосёлов к этому времени были закончены, и гордые отцы семейств наслаждались теплом и уютом, рассматривая из окна бегавших по двору детей.

Двор получился большим, общим, в лучших традициях советских времён. Дети быстро подружились и играли вместе, не отличая магаданцев от крестьян, обогащая друг друга своим жаргоном. Тем более что многие магаданцы переоделись сами и одели детей в трофейную одежду и обувь. Летнюю одежду с обувью спрятали до следующего года, а зимней толком и не было. Поэтому с октября магаданцы по внешнему виду почти не отличались от местных жителей, мужчины давно отпустили бороды, женщины повязывали головы платками, чтобы не тратить время на причёски. В ожидании сильных холодов Павел Аркадьевич увёл четверых мужиков на охоту за горным козлом. Благо за последние месяцы магаданцы изучили места их постоянного выпаса. С собой мужики взяли двое самодельных саней с лошадьми. Толик с Еленой отправились на других санях вниз по Чусовой, навестить ближайших соседей, попробовать продать стекло и стальные изделия да купить корма для коней и козу для ребёнка. Надежда под секретом, конечно, рассказала своим друзьям, что беременна. Так что козье молоко может понадобиться.

Регистрировать брак было негде, так что одним из вопросов поездки стало приглашение священника освятить часовенку в селении. Часовенку только начали строить, но строители обещали её закончить за неделю. И, естественно, Надежда и Толик хотели повенчаться, пока пост не наступил. Потому Елена с Николаем спешили в Чусовской Городок с большими планами, а в качестве самообороны везли два самострела. Один небольшой двустольный. Второй – супергигант, из трубы калибром шестьдесят миллиметров, изготовленный специально для поездки. Запасов пороха взяли с избытком, а картечью служила железная дробь, в среднем восьмимиллиметрового диаметра. Отходов некачественного чугуна и железа вполне хватало, чтобы не использовать гальку при стрельбе.

Надежда обещала до родов выплавить медь и свинец, благо было кому руду добывать. Татары ломали камень азартно, Петро заинтересовал их досрочным освобождением через два года, в случае перевыполнения норм и примерного поведения. Зная, что войска царевича Маметкула будут стоять под стенами их острожка как раз через два года, легко давать такие обещания. А, учитывая, что мяса в похлёбке для пленников магаданцы не жалели, те поверили в правдивость нежадного командира. Однако тюрьму подальше от острога, с добротными запорами, человек на сотню, зимой строить командиры уже планировали. Придёт Маметкул, куда пленных селить будем?

Коля ещё непривычно правил лошадей, осторожно приглядывая за берегами. Татар, конечно, после осеннего фиаско здесь не должно быть, но вдруг Кучум выслал спасательную экспедицию? Отгоняя дурные мысли, магаданцы за три дня добрались до Чусовского Городка. Там ещё помнили странных немцев, проезжавших летом. Потому пропустили сани почти без досмотра, не забыв, впрочем, взять пошлину за проезд. Хорошо, в поясах покойных кучумцев набралось достаточно монет, чтобы платить любые сборы. Жаль, приехали магаданцы после ярмарки, но решили задержаться. Николай с удовольствием окунулся в атмосферу новых знакомств, новых связей, интриг, договоров и прочей, приятной сыщике шелухи. Майор легко заводил знакомства, с каждым часом всё прочнее вписываясь в закрытый мирок строгановских владений. Его интересовало всё, от цен на товары до имён купцов и воевод, где и какие русские селения. Со своей типично блондинистой внешностью и высоким ростом он вписывался в рус-

ское общество легко, никто не подозревал в нём татарина. Тем более что все магаданцы давно изготовили себе крестики, мужчины стальные, женщины золотые. Сыщик часто крестился, привыкая к двуперстию, доставал свой крест, целовал его принародно, когда что-то утверждал.

Он не спешил с посещением воеводы, собирая всю возможную информацию о жизни строгановской вотчины. Елена азартно торговалась, закупаая необходимые продукты и продавая магаданские товары. Проведя так – ни шатко ни валко – почти неделю, Николай напросился на приём к воеводе. Тот больше походил на приказчика, ну, ещё бы. Сколько лет он работал под началом богатейших купцов Руси Строгановых! Однако дело своё знал и о сохранности строгановских солеварен заботился. Потому слухи о восстании черемисов в будущем году или через год встретил достаточно серьёзно. Хотя мог и принять за болтовню проезжего немца, чтобы впарить огнестрелы. Поскольку Коля почти сразу перешёл на предложение поставок наконечников стрел или тех же пищалей. Конечно, ничего покупать воевода не обещал. Но предложение помочь в случае нападения татар выслушал. Подарки принял и обещал не мешать торговле магаданцев в Чусовском Городке. Дарили воеводе исключительно оконные стёкла и набор из графина и шести стопок.

Подарок был с расчётом, почти сразу к Елене завалились двое купцов, желавших купить именно такие питейные наборы. За ними пошли строгановские приказчики с аналогичным желанием, торговля понемногу пошла. Но всё-таки через неделю пришлось уезжать, не добившись практически ничего. Разве что козу Елена купила да корма для скотины выменяла полные сани. Добрую половину товара пришлось увозить обратно, прикрыв хрупкое стекло четырьмя связками собольих и кунных шкурок. Видимо, на эти шкурки и польстились разбойники, выследившие отъезд торговых немцев из городка. Несмотря на православие, которое ярко демонстрировали магаданцы, ни один церковный чин не согласился отправиться к ним. Подкупать их мехами и деньгами Николай не стал, крестьяне потерпят, магаданцы переживут, попы обойдутся.

Тяжело гружённые сани еле ползли вверх по льду реки Чусовой. Догнать их можно было даже пешком, да и магаданцы никуда не спешили, чего зря лошадь погонять. Выехали утром, а ближе к вечеру заметили за собой погоню, на санях же. Когда преследователи приблизились на достаточное расстояние, Николай разглядел четырёх мужчин в пустых санях, явно пытавшихся догнать торговцев. У одного сыщик рассмотрел в руках рогатину, так называли большое копьё. С чего бы это? Учитывая, что быстро темнело, магаданцы решили остановиться и встретить погоню засветло. Елена, женщина решительная, доверяла в таких делах Николаю, а майор привык встречать опасность лицом.

Они остановили сани, развернув их поперёк пути, чтобы отдачей не ударило санями по ногам коню. Время, чтобы сменить заряды в поджигачах, было, Елена приготовилась заряжать, выложила свёртки с зарядами и дробью на полог саней. Николай проверил зажигалку и приготовил первым для стрельбы супергигант, надеясь на этом и закончить бой. В принципе, он чувствовал себя достаточно крепким, чтобы разобраться с проходимцами без оружия, но бережёного бог бережёт. Выпендриваться в подобных ситуациях опытный рукопашник не привык, если есть оружие, надо его применять.

Однако разбойники оказались хитрее, нежели кучумцы, или трусливее, что более вероятно. Увидев в руках одного из преследуемых пищаль, они остановили сани в полусотне метров до жертв и выстроились редкой шеренгой, в надежде, что под выстрел попадёт лишь один из них. Так, цепью и подходили к магаданцам, пока не остановились в двадцати метрах. Видимо, жалели злодеи, что не было у них с собой лука, да поздно, повезло «немцам».

– Эй, немец, – начал разговор самый горластый, перекрикивая завывание ветра, – брось дуру, отдай пушнину, и мы тебя отпустим.

– У меня встречное предложение, оставляйте сани с кобылой и шуруйте домой, я вас не трону, – Николай внимательно следил за продолжавшими приближаться разбойниками, стара-

ясь поймать двоих в конус рассеивания картечи. Почувствовав, что пора, он повернул оружие и начал чиркать зажигалкой, поджигая пороховую смесь через затравочное отверстие. Прикрывая огонёк рукой, мужчина поворачивал оружие на разбойников. Для отвлечения бандитов продолжал разговор, придавая в голосе просительных ноток неуверенности. – Ладно, давайте я вам шкуры скину и поеду, а вы потом их заберёте, только не под...

Бабах!!! – гроыхнул супергигант, отбросив Николая спиной на сани. Он ждал этого и быстро схватил приготовленную двустволку. Времени для разговора не оставалось, трое разбойников бежали к саням. Николай едва успел поднять руку с огнестрелом и направить его в лицо ближайшему мужику.

Бабах!

Не обращая внимания на схватившегося за лицо злодея, сыщик перевёл поджиг на второго, державшего в руках копьё, и поджёг зажигалкой заряд во втором стволе.

Бах! – выстрел прозвучал совсем слабо, но копейщик прикрывшись, замедлив бег. Отбросив на сани бесполезный огнестрел, мужчина выхватил саблю, нанося тычковый удар в горло и лицо последнему набегающему разбойнику. Тот не успел среагировать на бегу и напоролся горлом на клинок, подкатываясь ногами вперёд. Руками разбойник ещё пытался схватиться за клинок, ноги бежали вперёд, а тело уже оседало назад и вниз.

Николай выдернул клинок назад, опасаясь, что разбойник его переломит, и отскочил в сторону, осматриваясь. Копейщик качался на ногах, закрыв руками лицо, он стоял ближе всех, был самым опасным. Шагах в десяти лежал явно мёртвый разбойник, а самый дальний всё ещё пытался встать на ноги, поскользываясь и падая на лёд. Ближайший тать наконец упал на спину, и только тогда из распоротого горла обильно хлынула кровь.

– Возьми, – толкнула его сзади Елена, протягивая заряженный супергигант.

Сыщик машинально нацелил оружие на единственного стоявшего врага, добивать его саблей не испытывал ни малейшего желания. Нашарил рукой в кармане полушубка зажигалку, удивившись, что смог, в горячке боя, опустить её в карман. Действуя словно во сне, поджёг зажигалкой затравочный порох и наклонился вперёд в ожидании выстрела и толчка отдачи. От выстрела картечью с десяти шагов разбойника отбросило ещё на столько же, размозжив ему голову и прикрывавшие её руки. Всё было кончено.

Николай сел на край саней, передал разряженный огнестрел Елене и полез за пазуху, туда, где в самодельном портсигаре лежали последние четыре сигареты. Одну из них выкурил, абсолютно бездумно, ни о чём не думая, только смотрел вдаль и вдыхал табачный дым. Пяти минут перекура хватило, чтобы голова заработала в рабочем режиме. Он встал и принялся раздевать ближайшего разбойника, пока тело не задубело на морозе. Затем перешёл ко второму, третьему. Четвёртый тать неожиданно застонал, когда Коля начал снимать с него полушубок.

На этом разбойнике одежда оказалась самой чистой, совсем без крови, что напугало сыщика. Он сорвал шапку со злодея и перевернул того на живот, на всякий случай связывая руки. После чего осмотрел единственную рану на голове. Судя по содранному скальпу на левой стороне черепа, ранение было касательным, и разбойник просто сильно контужен. Замотав тряпками рану, нахлобучив шапку контуженому татю, Николай приволок его к саням и закинул в них. В разбойничьи сани, естественно, свой возок был полон и без трофеев. Туда же он скидал снятую с покойников одежду, трофейное оружие в виде копья и четырёх ножей угрожающего вида.

Потом выдолбил топором прорубь, прямо на месте боя, куда скинул три голых трупа и соскрёб весь окровавленный снег. Чистил место боя Николай тщательно, вплоть до вырубания окровавленного льда. Заняло это действие почти час, начало темнеть. Поэтому два возка отъехали от «места преступления», как выразился сыщик, на пару вёрст, остановившись на ночлег. Никому, кроме магаданцев, сообщать о нападении Николай не собирался, по меркам будущего, это самооборона. Да и то, при таких результатах в России вполне могли посадить,

на всякий случай, как говорится. Опытный полицейский отлично понимал, что при трёх трупах в России ему грозил если не срок, то долгое расследование. И не видел причины, почему бы в здешних условиях немцев пожалели за трёх убитых русских людей. Тем более что у немцев столько дорогого товара. Сам бог велел воеводе заступиться за убитых татей, попробуй, докажи, что они напали, а не сами немцы погубили подданных царя Ивана? Так что у опытного полицейского никакого желания искать справедливость не возникло.

Перекусили сухим пайком, чай был в термосе, одном из двух оставшихся из будущего. Их по очереди брали в дальние путешествия зимой и осенью. Положив корма коням, привычно укутались в шкуры и попытались уснуть, обнявшись (для тепла, конечно). Как ни странно, первым уснул Николай, не испытывавший ни малейших угрызений совести. Разбойники, они везде разбойники, и верить им глупо. А при наличии в санях молодой симпатичной женщины никто бы их не отпустил, даже в голом виде, обобрав до нитки. В чём, в чём, а в этом сыщик не сомневался. Потому и спал крепко, просыпаясь пару раз, по привычке, проверить, всё ли в порядке. Елена переживала, конечно, больше, но результатом осталась довольна. Живая, с козой, с торговой прибылью, с сильным мужчиной под боком. Чего ещё желать женщине в любые времена? Разве любви. То, что ни она, ни Коля друг друга не любят, Елена догадывалась. Но оба ценили надёжность друг друга, да и понимали с полуслова, потому и путешествовали вдвоём.

На следующий день, к вечеру, контуженый оклемался и попытался разговаривать. Тут и насел на него сыщик, изводя пленника допросами. Допрашивал все два дня пути до острога. Говорили о многом, о разбойничьей шайке, частью которой были нападавшие. Эти разбойники хозяйничали на Каме, держали своего лазутчика в Чусовском Городке. Потому и догоняли на санях, а не подкараулили по дороге, как нападали на купцов, проезжавших по Каме без охраны. Со слов Фомы, как назвался разбойник, на Чусовой реке татей не было, слишком опасное место, татары часто наезжают, да и вогулы не дадут шалить, быстро стрелами истыкают. Ничего интересного, кроме информации о составе, привычках и дислокации разбойничьих шаяк, пленник не дал. Куда теперь деваться, не убивать же?

Оставив решение судьбы Фомы на усмотрение командиров, Николай торопился домой. И не зря. В остроге кипела жизнь, новости били ключом, одна другой интереснее.

Вернувшиеся с огромной добычей охотники привезли полтора десятка туш горных козлов, едва не на четыре тонны общего веса. Тут уже крестьяне и их женщины показали магаданцам, как правильно работать с добычей. В дело шли абсолютно все части животных, от промытых кишок для колбасы до рогов и копыт – на гребешки и прочие мелочи. Не говоря уже о шкурах, сухожилиях и прочих костях. Азарт заготовительных работ захватил всех жителей острога. Все, кроме беременной Надежды и Толика, ей помогавшего, учились работать с добычей. Даже Павел Аркадьевич и Петро личным примером увлекали детишек, приучая их к самым необходимым навыкам в этом мире. Без знания иностранной литературы (ещё не написанной, кстати) дети проживут, а без умения правильно разделать тушу и выделывать шкуру в шестнадцатом век пропадут точно.

И ещё одна группа жителей не участвовала в разделе добычи – пленные татары, или, как их теперь называли, рудокопы. Они спешили до холодов запастись рудой. Более ста тонн железной и медной руды уже высились кучами возле плавильни. Железную руду запасли в своё время магаданцы сами, оставалось добавить медных и свинцовых запасов. Теперь рудокопы перевозили с места добычи галенит, свинцовую руду. Учитывая, что отвлекать много людей на конвоирование было невозможно, все пленники выполняли одну работу. Либо рубить деревья, либо добывать руду, иначе не получалось. Неудобно, но командиры настаивали на соблюдении максимальной безопасности.

Тем более что Фому решили держать отдельно, для чего выделили закуток в дровянике. Остальные пленники давно перебрались в новую, «комфортабельную» тюрьму, со всеми удоб-

ствами. С печью, уборной и великолепными засовами на дверях, с крышей в два наката, скреплённой коваными скобами. От подкопа защищал пол из таких же брёвен, что и стены. А получить железяку в пользование в здешних условиях для пленников было невозможно, разве кандалы снять. Но за этим ежедневно следили лично сыщики, больше всех понимавшие опасность бунта пленников или побега.

Глава 4

С середины декабря завьюжило, затем ударили сильные морозы. Магаданцы, избалованные цивилизацией, стали скатываться в растительный образ жизни. Под предлогом сильных морозов и отсутствия тёплой одежды (её действительно не хватало) женщины принимались большую часть дня проводить дома. На улицу выбирались исключительно мужчины да ребята, при отсутствии телевизоров и компьютеров дети магаданцев всех возрастов старались с утра отправиться гулять. Мужчины же привычно придерживались дисциплины, понимая опасность трёх десятков пленников под боком.

Да и приближавшиеся по времени набег татар тоже лишали сна, в первую очередь командиров. Они делали всё, чтобы расшевелить магаданцев. По предложению Павла Аркадьевича, поддержанного единогласно, с наступлением холодов начала работать школа, куда обязали ходить всех детей, как магаданских, так и крестьянских. Тех и других вместе набиралось почти двадцать душ, по-здешнему. Возраста от пяти лет до двенадцати. Получилось, как в сельской школе начала двадцатого века: старшие учили младших, а командовала всеми Елена, женщина строгая и грамотная. Она же проводила уроки для магаданских детей, читать и писать вполне умеющих. В качестве бумаги пришлось использовать бересту, на которой рисовали и писали свинцовыми палочками. Для постоянных плакатов вытёсывали плоские дощечки, которые держались лучше бумажных.

Впрочем, уроки биологии, истории, географии, математики и физики с удовольствием вели, кроме Елены, и Павел Аркадьевич, и другие взрослые магаданцы. Сначала это вылилось в бессистемный поток информации, в котором и магаданским детям было трудно разобраться. Но Лена взяла всё в свои руки и составила график обучения, темы занятий, после чего учёба приняла нормальный вид. Тем более что самые старшие крестьянские дети, стремясь догнать друзей, азбуку и таблицу умножения выучили буквально за месяц. Магаданские же дети, не привычные к счёту в уме, вскоре вынуждены были прикладывать усилия, чтобы не отставать от приятелей.

Глядя на успехи учителей, призадумался и занялся системным планированием и Пётр, понимая, что на примитивных пищалях не выехать. Он привлёк обеих матерей-одиночек, Ольгу и Татьяну, оказавшихся инженерами-механиками, к созданию токарного и сверлильного станков. Хотя бы самых примитивных, для растачивания оружейных и пушечных стволов. Девушки задали первый вопрос, поставивший командиров в тупик: «Какой привод будет у станков?» Выбирать особо не из чего, либо на мускульной тяге, либо на водяном колесе. Учитывая зиму, с водяным колесом возникла напряжёнка. Пришлось изобретать привод на мускульной тяге, не ножная педаль, конечно, а ворот, вращавшийся лошадыми.

Однако всё потянуло за собой целую лавину необходимого. Пока девушки считали и рисовали на остатках бумаги схему станка, делали детализацию узлов, в процесс включились абсолютно все. От пленников, расчистивших место для просторного цеха, затем сложивших высокую коробку из двенадцатиметровых брёвен, до стеклодувов, выдавших стекло на двойные широкие окна, и кузнецов, приступивших к изготовлению деталей станка. Охотникам пришлось отправиться за новыми горными козлами, передачу решили делать ремённую, да и мясо к началу января неплохо подъели. Крестьяне, владевшие топором лучше магаданцев, вырубали, собственно, весь движитель. От ворота с оглоблями, за которые цеплялись лошади, до зубчатки, передававшей усилие на деревянный (пока) вал, уходящий в цех.

В изготовлении первого расточного станка принимали участие абсолютно все, до детей и женщин тоже дошло, что выжить поможет лишь оружие, а его создать можно только на станке. В тонкой доводке направляющих для салазок, пока коротких, всего семьдесят сантиметров, участвовали даже подростки, активно работая на шлифовке песчаником. Насчёт точ-

ности никто не обольщался, но по уверению конструкторов, за полмиллиметра они ручались. И настал февральский день, когда резец с режущей кромкой из алмаза (не зря искали) снял первую стружку с заготовки.

Заготовку мозолили два дня, проверяли и шлифовали ещё день. Потом три дня ушли на закалку, повторную обработку, шлифовку. С первого образца сняли размеры, изготовили контрольные скобы и калибры, закалили их, снова откалибровывали, отшлифовали. Лишь через две недели первый закалённый пруток получили кузнецы. Они использовали его как оправку дляковки ружейных стволов, наматывая стальные полосы и сваривая их ковкой вокруг образца. А в токарной мастерской приступили к изготовлению следующих оправок, ибо оригинал выдерживал два-три использования, после чего терял форму и твёрдость.

Остальные детали будущих ружей уже были готовы и ждали своего часа, сборки. Но первое ружьё мастера собрали только в начале марта, когда Павел Аркадьевич увёл крестьян на лосиную охоту, по твёрдому насту. К этому времени были готовы три десятка медных гильз из тонкого листа, с капсюлями. Над иницирующим веществом потрудились Надежда, выдав к концу февраля почти килограмм зарядов для капсюлей. Не на основе гремучей ртути, а на базе азида свинца, более надёжного и безопасного в производстве. Такого количества хватит на несколько тысяч патронов. Порох оставался прежний – пироксилин, изобретать новое не стали, все спешили. Ибо у Павла Аркадьевича в памяти отложилось время нападения царевича Маметкула – лето, июнь, июль. И, учитывая разночтения летописей, этим летом вполне могло быть и наступление.

Первое ружьё не вышло комом, ствол выдержал все тридцать выстрелов из снаряжённых патронов. Стреляли свинцовой пулей-турбинкой, калибром около девяти миллиметров. Результаты испытаний порадовали всех мужчин, дальность полёта пули достигла почти четырёх сотен метров, а убойная дальность на двухстах метрах вызвала гордость. Все помнили, что при нападении кучумцев на острог расстояние реального обстрела не превышало ста метров. За этой линией даже из лука не стреляли, а выстрелов огнестрельного оружия татары не опасались. Значит, результативный огонь за сто метров станет весьма и весьма эффективным и очень приятным сюрпризом для врага.

На волне эйфории к производству оружия подключилось всё мужское население острога, включая детей. Ребята на машинке катали гильзы, припаивали медные цилиндрики к донышку свинцовым припоем, с вентиляцией, конечно. Все знали основы химии, ядовитые вещества и способы защиты от ядов. Женщины расфасовывали порох в патроны, закатывая сверху пули, они же впрессовывали капсюли в гильзы. Вот наполнение капсюлей Петро никому не доверил. Сам два дня в отдельно стоящем сарае заливал капсюли расплавом иницирующего вещества, наработал четыре с лишним тысячи штук. Как шутили магаданцы, если попадать один раз из четырёх выстрелов, всё равно можно целый полк истребить. Работы по дереву взяли на себя крестьяне, вернувшиеся с охоты, и их старшие дети, вырезавшие по образцам приклады и ложа для ружей.

К середине апреля два десятка ружей были собраны и пристреляны, ружейники приступили к сбору двустволок. Они выходили тяжёлыми, но для обороны острога вполне годились. К родам Надежды, вполне удачно подарившей Толику мальчика, то есть к двадцатому апреля 1571 года, каждый магаданец старше десяти лет, включая женщин, получил собственное ружьё. В придачу к чему командир объявил обязательные еженедельные учения для всех, включая крестьян-мужиков. Мужики почесали затылки, но выданные из арсенала ружья взяли с непередаваемой радостью. Хоть и не свои ружья, личные, а общественные, но стрелять мужикам понравилось, как детям. По хозяйскому прикиду, такие ружья и на охоте сгодятся. Так началось становление первого стрелкового ополчения магаданцев.

В мае, с началом полевого сезона, работы по вооружению несколько приостановились. Мужики на лошадях железными плугами распахали практически всю свободную землю на

поляне, засеяли всё овсом и проборошили железными же боронами. А магаданцы засадили почти полгектара картошкой, высадили сотню кустов помидорной рассады, заботливо выращенной на подоконниках. К ней добавили две грядки огурцов и двадцать пять взошедших подсолнухов. Эти посадки почти сразу огородили плотным забором из жердей. Толик сбегал к дальнему броду, выкопал там три кустика дикой чёрной смородины, посадил возле дома, для детей, под витамины. Летом задумал рядом пристроить лесную малину, самую крупную и сладкую. Бог даст, крыжовник найдут, тоже высадят.

Командиры вновь вывели татар на заготовительные работы, пилить лес, обжигать уголь, добывать руду. А отвалы шихты, накопившиеся за зиму, решили использовать для строительства оборонительного вала вокруг разросшегося хозяйства магаданцев. Через неделю вал из шихты высотой полтора метра продолжил линию, обозначенную осенью крестьянскими домами. В результате получился почти правильный прямо-угольник, внутри которого оказались все постройки магаданцев, включая посадки помидор, огурцов и подсолнуха. Ещё осталось место для запланированной конюшни, курятника, сеновала и теплицы. Её обещал к следующей весне собрать Толик, для снабжения сына и приемной дочери свежими овощами. Надежда умела вить верёвки из своего мужа, даже его старый друг Николай изумлялся.

Николай, кстати, ещё перед половодьем сбегал к вогулам в устье Ярвы, передал поклон от аманата, который легко отзывался на имя Ваня и бегло разговаривал по-русски, писал и знал таблицу умножения. Одновременно переговорил с осведомителями, передал им кое-какие сувениры. По секрету рассказал, что магаданцы нанимают себе дружину для обороны шибко богатого острога. Всем дружинникам дадут ружья, такие же, как Коля взял с собой, научат стрелять, будут кормить-поить, а через три года верной службы отдадут ружьё бесплатно. После таких слов сыщик сводил троих знакомых вогулов в лесок, где продемонстрировал стрельбу из ружья. На дальности пятьдесят метров, а не двести, но и это был культурный шок. Вогулы были неплохими охотниками и поняли достоинства ружья с быстрой сменой заряда и мгновенным выстрелом.

Пока его друзья находились в раздумье, Николай выменял на ножи и наконечники стрел в селении добрую половину добытых за зиму шкурок. После чего ушёл обратно, еле пробираясь сквозь весенний лес с огромными связками пушнины. А после половодья сыщик повторил свой визит на северо-восток, к верховьям Ярвы. Кроме коммерческого расчёта, перекупить добытую за зиму пушнину, сыщик по согласованию с командирами распространял слухи о найме в магаданскую дружину. Демонстрировал возможности своего ружья и расхваливал жизнь в остроге. С такой же целью вверх по Чусовой к ближайшему её притоку и его жителям отправился Толик, взял в помощники аманата Ваню, парень вытянулся на хорошем питании за зиму, к магаданцам относился хорошо, мог помочь, хотя бы с переводом. Сами магаданцы по-вогульски говорили плохо, понимали отдельные слова, не более того. Поднимался Толик по реке недолго, до ближайшего вогульского селения, выменять меха и обозначить магаданское присутствие, с агитацией. Однако результат торговли оказался роскошным, чем дальше на восток по Чусовой, тем больше добывали аборигены мехов, вот откуда росли ноги у колонизации Сибири.

Едва вернулся с верховьев Ярвы Николай, с полной лодкой приобретённых мехов, как сразу отплыл вниз по Чусовой. Торговать и наводить знакомства. О тамошних жителях он успел за зиму выпросить крестьян, захваченных в плен в тех краях. Ближе к впадению Чусовой в Каму жили почти сплошь русские, вогулы уходили из тех мест, напуганные угрозой насильственного крещения. На этот раз с собой сыщик вёз разбойника Фому, добросовестно отсидевшего всю зиму в отдельной камере. Там злодей не скучал, а вырезал по образцу приклады и ложа для ружей, получалось у него неплохо. А Николай не забывал регулярно разговаривать с «осужденным», вербуя его в свои сторонники. Благо аргументы нашлись неплохие.

Главным стал тот факт, что магаданцы не были подданными Руси и не имели никаких договоров о выдаче преступников русским властям. Практически тот же Дон, только рядом, не надо никуда плыть. Второй плюс – магаданцы набирают свою дружину из крепких и смелых мужиков, платить будут немного, но кормёжка казённая, оружие изумительное и после трёх лет честной службы останется наёмнику в личное пользование. Единственное требование – беспрекословное подчинение командиру и никакого насилия над соседями. Это разбойники как раз отлично понимали, крестьян из соседних деревень они тоже не трогали, даже делились с ними добычей. Добравшись до Камы, Николай отпустил своего пленника, повернув обратно, торговать с прибрежными селениями и продолжать агитацию.

В это время магаданцы все силы направили на заготовки, в первую очередь косили сено, вязали веники, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу. Благо соли хватало для заготовок впрок, а стеклянной посуды выдули за зиму достаточно, чтобы засолить все собранные грибы. Женщины варили малиновое варенье, запасая его как лекарство, оставляя на леднике, для необходимой консервации в вареве не хватало сахара. В конце июля к солёным грибам и рыбе добавились банки с солёными огурцами, помидоры решили есть свежими, выбирая семена на посадку. Всё это время командиры продолжали усиленные тренировки жителей острога, не переставая нарабатывать запасы патронов. Однако лето прошло спокойно, никаких слухов ни о восстании черемисов на Каме, ни о нашествии татар из-за Урала не было.

Когда в очередной раз вернулись вербовщики-торговцы, командиры рискнули отправить экспедицию вверх по Чусовой до Куйвы. На знакомые магаданцам места, мыть золото и алмазы. Пушнина пушшиной, но алмазы и платина нужны были для производства, зимой инженеры совместно с Надеждой планировали сварить легированную сталь, обрабатывать которую без алмазов невозможно. А золото понадобится для экономии и платы возможным наёмникам, да и просто для расплаты за товары и услуги на Урале. Ибо пушнина в здешних местах стоит вдесятеро дешевле, нежели в Европе, стоит её побережь. Золото же на Руси всегда в цене, официально его в стране не добывают. В качестве денег используется повсеместно серебро, стоящее в десять примерно раз дешевле золота по весу.

Экспедицию на Куйву возглавил Николай, заметив Толику, что тот женатый отец и должен быть с семьёй. С Николаем напросились Елена и Ваня, загрузив лодку по самые борта магаданской продукцией, на случай обмена с вогулами. Одновременно с ними в Чусовской Городок отплыл Павел Аркадьевич с Ниной, закупать овес, рожь, соль, масло и прочие вкусности. У оставшихся дома магаданцев и мужиков наступила страда, в начале сентября начали уборку картошки, овёс скосили ещё раньше. Только этой осенью магаданцы узнали, что по Чусовой и Ярве идёт красная рыба на нерест, как на Дальнем Востоке. Только не горбуша и кета, а лосось и форель. Мужики, посмеиваясь про себя, показали немцам, как ставить морды, как солить красную рыбу, как солить икру.

Пришлось татарам выкопать дополнительную яму под припасы, уже не четыре на четыре метра, а втрое больше. Кучумцы знали, для чего долбят камень, поэтому не роптали. Они уже поняли, что магаданцы не злобствуют и даже пленников кормят лучше, чем те питались у себя дома. А грамотная обработка сознания пленников офицерами и Павлом Аркадьевичем давала свои результаты. За год татары на многое стали смотреть несколько иначе, чем раньше. Петро не сомневался, что пару-тройку рекрутов из своих пленников через год завербует. Он даже знал, кто пойдёт к нему служить. Опыт офицера, побывавшего во многих конфликтах и получившего пулю в спину, когда приехал в гости к родным в Киев, был достаточно осмысленным, даже циничным.

Павел Аркадьевич и Нина вернулись с двумя нанятыми лодками, заполненными купленным зерном и другими припасами. Едва разгрузившись, сразу отправились обратно, прихватив стеклянной посуды для обмена. За год в скучной пограничной жизни магаданцы произвели фурор своим появлением. Сам Аника Строганов, владелец и основатель Чусовского Городка,

велел купить ему стеклянной посуды у немцев да застеклить окна своего дома, не хуже, чем у бояр в Москве. Глядя на то, как магаданский товар берёт воевода, не торгуясь, ему бросились подражать все сколь-нибудь зажиточные люди строгановской земли. Учитывая, что коварный Павел Аркадьевич отказался принимать пушнину в счёт платы, зерном, солью и прочими дарами земли камской его просто засыпали.

Ещё дважды возвращался Павел Аркадьевич с покупками, последний раз привез зерно и муку уже в начале октября. Хозяйственный командир закупил столько всего, что можно было прокормить вдвое больше народа, да ещё лошадям осталось бы. Впрочем, на увеличение населения командир и рассчитывали. Что характерно, не ошиблись. Первые наёмники появились сразу после ледостава. Только успели вернуться золотоискатели с Куйвы, привезли полную лодку мехов, два пуда золота, килограмм алмазов и пятьдесят килограммов платины. Николай, улыбаясь, рассказывал, как поработал на Куйве, какие заказы сделал вогулам на добычу платины. Как выменивал у вогульских ребятишек алмазы за наконечники стрел, а за платину отдавал стеклянные стопки и стаканы, если посуда будет скрыта под горкой самородков полностью.

Вторая зимовка на реке Ярве началась гораздо веселее. Женщины радовались огромным запасам в кладовых, мужчины, после регулярных тренировок и стрельб, стали самоуверенны, как никогда. Даже командиры смотрели в будущее с оптимизмом, их закладки сработали, по первому льду в острог потянулись первые наёмники. Как и ожидал Петро, шли в основном подростки, молодые бобыли, лоботрясы-лентяи и прочие бездельники. Таких неумех набралось десятка два, начавших проходить курс молодого бойца под чутким руководством подполковника, решившего вспомнить молодость. Позднее потянулись опытные воины, два стражника из Чусовского Городка, явные шпионы. С верховьев Ярвы пришли три русских охотника, интересовавшихся ружьями. Последними прибыли двенадцать вогулов – молодых парней в сопровождении опытного охотника – за ружьями и славой. На уральских вогулов прошлогодний разгром полусотни кучумских татар произвел впечатление.

С каждым добровольцем Петро заключил личный договор, записанный на бересте и в присутствии всех наёмников. Все знали, что расторжение контракта ранее трёх лет будет сопровождаться крупным штрафом в двадцать соболей, а украденное оружие будет считаться личным оскорблением и наказывается только смертью. После чего подполковник принялся гонять свою неполную полусотню, как десантников в Рязанском училище. А вместо самоподготовки уроки письма и счёта, по магаданским правилам. Пользуясь тем, что один из командиров занят дружиной, оружейники в сговоре с Николаем приступили к производству револьверов.

Детали простейшей самоделки были изготовлены по чертежам сыщика, проблемы возникли с точностью рассверливания барабана и надёжностью пружин. Парень так загорелся идеей личного скорострельного оружия, что взялся за изготовление патронов. По примеру Петра он в отдельной мастерской залил две тысячи капсюлей под револьверный патрон. Потом почти месяц накручивал гильзы, припаивая их к донцу, куда запрессовывал капсюли. Учитывая гладкоствольность оружия, пули делал конические, с вогнутым донцем, чтобы пороховые газы прижимали раскрытые края к стенкам ствола. Несмотря на помощь Вани, с которым Николай сдружился за лето, работа заняла почти два месяца. Ещё бы, приходилось отвлекаться на общественные работы, конвоирование пленников и прочее.

За пару месяцев оружейники собрали двадцать револьверов калибра восемь миллиметров, со стволом длиной двенадцать сантиметров и дальностью эффективного выстрела двадцать метров. К этому времени вернулись охотники на горных козлов, которые уже на четырёх санях и с новыми ружьями уходили добывать мясо. У сопровождавших Павла Аркадьевича мужиков-охотников не было слов от восторга. Дальнобойность, скорострельность и удобство ружей оказались вне всяких похвал. Ещё бы, на фоне фитильных пищалей. Ружейники же делали ещё два десятка револьверов и занялись пушками. Офицеры давно поняли, что одним

стрелковым оружием с крупными отрядами не справиться, нужен пулемёт или орудие для стрельбы картечью.

Пулемёт в нынешних условиях был нереален, оставалась казнозарядная пушка с дальностью прямого выстрела до километра. Петро посоветовал взять калибр восемьдесят миллиметров, длиной ствола не менее двух метров. Тогда не понадобится и противооткатное устройство, пушки закрепят на стенах острога, откуда те смогут обстреливать всю поляну и часть леса. При отсутствии отката, скорострельность будет максимальная, до десяти выстрелов в минуту, что для этого времени фантастика. Тогда пять-шесть орудий легко заменят пятьдесят средневековых пушек. И никакие орды Маметкула или Кучума не будут страшны магаданцам.

Однако начинать пришлось с изготовления нового расточного станка, с длиной салазок два метра. Опыт, конечно, был. Но шлифовка и тонкая доводка двухметровых направляющих для задней бабки заняла два месяца – с начала декабря до середины февраля. За это время женщины подготовили две сотни снарядов, а Петро залил пять сотен пушечных капсюлей. Работали спокойно, до лета нападения татар никто не ждал, а опыт в инженерно-станочных работах появился. Кроме того, в ожидании артиллерии командир уговорил отлить две сотни осколочных гранат, самых примитивных с фитилями. Эти фитили накрутили из пропитанных селитрой волокон шерсти с добытых горных козлов. При испытании длительность горения вышла 3–5 секунд, самое то, для безопасности.

Так что у взвода дружинников добавился к весне новый предмет – метание гранаты на дальность и точность. Характерно, что никто из наёмников не убежал, даже ветераны перестали ворчать, втянулись в тренировки, особенно после полевых занятий по стрельбе. Необходимость совмещать мушку с целиком долго не давала покоя стрелкам при теоретических занятиях. Но впервые попав в мишень на расстоянии ста метров, дружинники поменяли свою точку зрения. А когда под командованием Петра сами же за пару минут свалили сотню мишеней на расстоянии пятьдесят метров, удивились. Однако понимание мощи точной и скорой стрельбы изменило отношение к огнестрельному оружию даже у дружинников из Чусовского Городка. Чего ждать от других?

С середины марта, когда дружинники поняли свою силу, главной заботой Петра стали тренировки по маскировке и скрытному передвижению. Защите своих воспитанников подполковник придавал огромное значение, он даже заказал для всех небольшие стальные щиты, с отверстиями под стволы, которые легко закреплялись на стенах острога. Эти щиты не сковывали движений стрелка, но защищали его от стрел противника. Стены острога после спада холодов, по указанию Петра, обшили сверху дополнительными венцами, оставив отверстия для пушек и стрелков. А чтобы враги не могли подняться по брёвнам, как по лестнице, под самыми бойницами снаружи стены сделали навес из брёвен, куда упрётся головой любой смельчак, вскарабкавшийся по стене.

Кроме того, справедливо полагая, что выстрелы из орудий будут наиболее эффективны с самой высокой точки, командиры приступили к строительству орудийной башни внутри острога. После испытаний отдача оказалась приемлемой для монтажа орудий в жёстком креплении на башне. Не совсем неподвижно, конечно, а с возможностью изменения угла прицеливания до двадцати градусов. Зато башня от выстрелов не качалась, а пушки не откатывались, позволяя заряжать сразу после выстрела. Чтобы максимально избежать мёртвых зон, башню сделали пятиугольной, высотой с пятиэтажный дом. А пушки установили на четвёртом и пятом этаже, по пять штук. Но это произошло только к июню месяцу, когда слухи о восстании черемисов достигли Чусовского Городка. Туда очередной раз отправился Павел Аркадьевич с товаром, он и привёз тревожные новости.

Черемисы громили все русские поселения на Каме ниже Чусовского Городка, поднимаясь к самому Орёл-городку и Чусовскому Городку. Исходя из этого, командиры решили, что нужно провести разведку по Чусовой, до впадения в Каму. Туда и отправились Николай с

Ваней, вооружённые ружьями и револьверами. За два года аманат Ваня превратился в крепкого смышлёного подростка, почти без акцента говорил по-русски, вполне уверенно писал и считал, знал начала географии. Сам вогул ещё не осознавал того, что видели в нём взрослые, того, что в родное стойбище он не вернётся. Чтобы он не страдал лишними раздумьями, командиры старались максимально нагрузить подростка интересными делами.

Вот и теперь, отправляясь на разведку с другом Колей, аманат радовался, что ему доверили важное и опасное дело. В устье Ярвы магаданцы тоже выставили пост, где ежедневно сменялись двое подростков, наблюдавших за Чусовой. Вверх по Ярве обменивать меха пришлось отплыть Елене без Николая, в сопровождении двух молодых дружинников, твёрдо усвоивших равноправие женщин у магаданцев. А в самом остроге женщины подняли настоящий бунт. За два года все порядком износили родную одежду, даже трофейные кухлянки не спасали. Кожа протиралась до дыр довольно быстро, не синтетика. Несмотря на запас иголок и ниток, магаданцы выглядели к началу лета истинными бомжами. Хотя одежду регулярно стирали, сами мылись в бане дважды и трижды в неделю, вид у магаданцев, особенно женщин, был весьма затрапезным, если не сказать большего.

С прошлого года посещение цивилизованных мест вроде Чусовского Городка становилось регулярным, а там принимали по одежке. Нынче Нина сразу заметила отношение к себе, одетой в поношенную кухлянку. Совершенно иное, чем к русским женщинам, выраженным хоть и в домотканую материю. Пришлось Павлу Аркадьевичу выдержать целое сражение, объясняя магаданкам, что в здешнем мире ткани весьма дороги. Если покупать их в Чусовском Городке, дешевле будет соболью шубу сшить. Но женщины были непреклонны, добившись у командира обещания отправить нынче же летом лодку за товаром в Чердынь, ближайший относительно большой город выше по Каме. И решить вопрос с покупкой тканей, за любые деньги, для чего столько мехов наменяли?

Над этим обещанием и ломали голову командиры, решая вопросы, как туда добраться и чем расплачиваться за товар. Состав купцов примерно определили – как обычно, Николай, Елена и Ваня. С товаром вышло хуже, кроме стекла и железных изделий, предложить было нечего. Меха сразу отпадали, в Чердыни за них цену не взять, один убыток получится. Пришлось заняться монетным двором, на котором приступили к отливке золотых монеток, весом в один и пять граммов. Убыток, конечно, сплошной, в угар при плавке золота уходит до четверти металла, но иного выхода не было. Оба командира три дня работали резчиками, вырезая образцы будущей валюты магаданцев, жалея, что художница уехала в Москву. Но нашли выход, обошлись без особых излишеств. На аверсе монет изобразили номинальную стоимость – «Два рубля», «Один червонец», на реверсе курсивом вывели «Магадан», ниже – 1572 год.

За этим занятием и застучала командиров четвёртая незамужняя девушка Лариса, призвавшаяся в том, что года три работала пайщицей-монтажницей на заводе. И навыки работы с расплавленным металлом у неё гораздо выше, чем у неуклюжих командиров. С этого дня дело пошло на лад, мужчины отливали монеты, Лариса их доводила до кондиции. Нарботав тысячу червонцев и столько же двухрублёвых монет, девушка попросила разрешения заняться ювелирным делом. И на глазах изумлённых командиров напаяла два десятка оригинальных серёжек, брошек и прочей мишуры. Девушка давно положила глаз на самого завидного жениха магаданцев – Петра и добила своё. После её золотых подвигов командир начал относиться к девушке совсем иначе, чего хитрюга и добивалась. Через месяц все магаданцы не сомневались, что новая пара сложилась окончательно.

Так что к возвращению Елены и Николая кое-какие намётки для выгодной торговли в Чердыни были готовы. В самую большую лодку загрузили товар для обмена, сели сами купцы, взявшие с собой сорок червонцев и сотню рублей золотом, зашив их в пояса. На вёсла сели двое крепких дружинников, путь предстоял долгий, опасный. Кроме револьверов и ружей, путешественники взяли два десятка гранат и пару пластиковых бутылок, десятков одноразовых стака-

нов на подарки. Провожая ребят, Петро неожиданно для себя перекрестил их на дорогу. Подорожную грамоту, как обычно, магаданцы выписали сами, от имени своего царя. Строгановские власти пока отказывали в такой милости соседям-немцам.

Шёл июль, неизвестность тяготила: как там, в Чусовском Городке? Пётр не выдержал и отпросился у Павла Аркадьевича, отплыл в Чусовской Городок с двумя десятками отличившихся дружинников. На людей посмотреть, себя показать, дать дружинникам возможность потратить первую зарплату, выданную всем поровну, по два рубля золотом. Да оружие новое продемонстрировать, напомнить воеводе о магаданцах. Набег Маметкула впереди, может, удастся ещё рекрутов набрать. Много причин нашлось для визита в Чусовской Городок, торговля оказалась не последней в этом ряду. Петру хотелось убедиться в умениях своей подруги, как пойдут её ювелирные изделия, будут ли пользоваться спросом? Саму Ларису, однако, брать с собой подполковник отказался.

В начале августа три лодки с двадцатью магаданскими дружинниками прибыли в Чусовской Городок, оставшийся почти без защиты. Большую часть гарнизона воевода увёл вниз по Каме, воевать с восставшими черемисами. Так что непонятных вооружённых людей долго не пускали в крепость. Собственно, Пётр туда и не стремился, разложил товар, завёл разговоры с любопытными горожанами. Намекнул торговцам, что не прочь прикупить ткани и добрую обувь для своего войска. Три дня магаданский отряд невозмутимо торговал в посаде, дружинники отводили душу в горячительных напитках, хвастливых рассказах. Командир торговал понемногу, выслушивая сплетни. Видимо, оставшийся за воеводу командир гарнизона ждал, пока к нему придут с поклоном. Не дождавшись, вышел за ворота сам, в сопровождении приказчика.

Петро поздоровался, подарил стеклянный набор и поинтересовался успехами в подавлении восстания. Напомнил, что ещё два года назад предупреждал воеводу о готовящемся бунте черемисов. Выслушав уклончивые ответы, что всё «слава богу», бунтовщики разбиты, Петро поклонился, заканчивая разговор. Чисто формально обронил, мол, разведчики доносят, что следующим летом будет большой набег из-за Урала. Орду поведёт царевич Маметкул, силы придут большие. Ежели воевода согласится, магаданцы могут помочь своими пушками. Вернётся он с похода, пусть зимой гонцов засылает, авось сговоримся. Ответа на свои намёки Пётр не ждал, не сомневаясь, что командир гарнизона не даст никаких обещаний до возвращения воеводы. Главным было предупредить, тогда будущий набег Маметкула добавит авторитета магаданцам.

Опытный командир знал, что, во-первых, без воеводы никто решение не примет. Во-вторых, навязывание помощи будет выглядеть едва ли не предательским засылком. В-третьих, желательно Маметкула разбить самим, тогда магаданцы совсем иначе будут выглядеть в глазах жителей Урала. Да и трофеи делить ни с кем не надо будет. Торговал подполковник больше недели, разменял часть золотых монет на серебро, магаданские деньги отлично брали, особенно купцы. Частично купил, частично выменял сорок пар добрых сапог, три десятка шапок одной «модели». Часть покупок принародно раздал своим бойцам, отчего все они приобрели совсем другой вид. Да закупил для женщин льняного полотна, сколько смог. Не давало покоя воспоминание о «бабьем бунте».

Так, толком ничего не добившись, дружинники вернулись в острог. Хотя нет, наёмники убедились, что командир не обманет, да ещё и приоделись за казённый счёт. Всё меньше причин для дезертирства. К этому времени кузнецы и механики изготовили два десятка пушек калибра восемьдесят миллиметров, гладкоствольных, с клиновым затвором. Стволы делали на новом токарном станке, с длиной направляющих два метра. Отлитые трубчатые заготовки из стали, легированной хромом, марганцем и ванадием, вышли необходимой вязкости и прочности. Доморощенные металлурги с инженерами не только вычислили необходимый состав добавок, но и провели предварительные испытания на прочность и вязкость полученных заго-

товок. А добавки типа ванадия, хрома, марганца и прочих химическим способом извлекла из полиметаллических уральских руд Надежда.

Главной задачей инженеров стало не легирование стали, а извлечение вредных примесей, дающих ненужные эффекты хрупкости будущим пушкам. Над этим трудились в лаборатории всю зиму, испытывая небольшие образцы стали. Сами станки для испытания на прочность и вязкость достаточно просты, труднее было с их градуировкой. Но как говорится, голь на выдумки хитра. В распоряжении магаданцев остались многие стандартные по весу и твёрдости вещи с инструментами, они и помогли настроить испытательные приборы. Так что опытные отливки легированных сталей были весом в пару сотен граммов, чего хватило, чтобы отработать удачную технологию. Рассверливали отлитые толстые трубы изнутри, затем обрабатывали снаружи. Толщина стенок ствола в казённой части была увеличена до двадцати пяти миллиметров, во избежание разрыва. А к дульному срезу ствол сходил на десять миллиметров.

По расчётам инженеров, запас прочности ствола был избыточным, но Петро настоял на этом. Все пушки планировалось установить на стены и в башню, вес в данном случае не играл особой роли. При испытаниях стволы показали расчётную дальность, до километра снаряд летел вполне уверенно, а синус рассеивания картечи составлял пять сотых. На расстоянии сто метров зона сплошного поражения картечью составляла десять метров, а на двухстах метрах картечь выносила шеренгу длиной двадцать метров. Вполне достаточно, чтобы не подпускать врага близко, решил командир. Далее началось самое трудное: научиться использовать чудо-оружие с максимальным эффектом. И научить стрелять пушкарей точно и по команде, а не по желанию.

Все изобретённые поворотные механизмы браковались один за другим. То неудобные в обслуживании, то ломаются после пары выстрелов. Лишь к концу лета десять орудий заняли своё место в башне, ещё восемь на стенах острога, а два остались в запасе. Убедившись в надёжности крепления пушек, Петро приступил к обучению пушкарей. Оборонять острог из пушек учились все магаданцы, включая детей старше десяти лет. На башню шли учиться наёмники, по два человека на орудие. Две недели теоретических занятий по прицеливанию, заряданию – разряжению, закончились первыми учебными стрельбами в конце августа. Первыми отстреливали орудия дружинники, закрывая глаза и падая на землю при выстреле. Ничего, парни скоро привыкли к невиданной пищади и обращались с пушками с каждым разом всё увереннее. За ними магаданцы начали – обучать практическим стрельбам женщин и подростков, не упуская случая выстрелить самим.

После этого еженедельные стрельбы из ружей пополнились новым элементом обязательной программы – два выстрела из пушек. На скорость и меткость. Стреляли пока чугунными снарядами, в виде пустотелой болванки, с двумя медными ободками для фиксации в стволе орудия. Все их приходилось доводить до нужного диаметра на токарном станке, зато порчи стволов не произошло ни единой. На зиму Надежда обещала подумать об изготовлении фугасного снаряда. Для будущих фугасов уже сейчас отливали более тонкостенные болванки. К тому времени, когда убрали урожай и начали собирать запасы на зиму, в мастерской лежали двадцать тонн медных слитков и столько же железных и чугунных отливок. Выплавку чугуна и меди за последний год поставили на постоянную основу, всё увереннее привлекали к этим работам пленных татар. Те, в свою очередь, под присмотром всего одного магаданца, выполняли работу спокойно и уверенно. «Козлов» за год никто в печи не посадил.

Как объяснила Надежда командирам, в принципе зимой можно руду не выплавлять, добытого металла вполне хватит. Но подполковник помнил солдатскую поговорку, мол, запас карман не тянет. Потому объявил кучумовским татарам дембельский аккорд на заготовку руды – железной, медной, свинцовой. И, когда те справились с уроком, торжественно освободил магаданских пленников. Пока кузнец сбивал отполированные до блеска кандалы с ног, татары сгрудились в толпу, растерянно ожидая продолжения. За два года сытой и размеренной жизни,

хоть и в плену, многие привыкли к отсутствию хлопот, забот. Как говорят психологи, утратили социальные навыки. Да ещё командиры регулярно капали им на мозги, рассказывая о несуразности татарского бытия и достоинствах магаданцев.

И сами пленники не слепые, насмотрелись за два года всякого, особенно по части вооружения и образа жизни. За два года командиры никого не поролли плёткой, никого не повесили за шею, даже пленников не били. Про то, что за нарушение дисциплины уменьшалась пайка, все давно забыли, нарушителей порядка среди татар не было уже год. А кормили как? Иные ханы не едят мясо каждый день, как пленные у магаданцев, пусть и рыбу, но всё равно два раза в день, в любую погоду. Даже крестьяне у магаданцев живут лучше любого охотника или пастуха в родных улусах. Последние полгода пленники частенько обсуждали свою судьбу, прикидывая, как поступить, если командиры сдержат слово и отпустят их домой. Выходило, что домой лучше не соваться, добираться по Чусовой и по Каме, где бродят восставшие черемисы, страшно вато. Татар камские племена хоть и боятся, но при случае зарежут и не моргнут глазом.

Да и в родном улусе ничего хорошего не ждёт. Хозяйство давно забрали баи, а Маметкул может за гибель своего десятника и найти крайних. Обвинит в трусости и повесит, если на кол не посадит. Попробовал бы он сам на магаданские пищали пойти, так не скажешь такое ему в лицо, тогда точно мучительной казни не избежать. Что делать? Так и стояли бывшие пленники напротив острога, обдуваемые прохладным сентябрьским ветерком. У многих на лицах светились незамысловатые ожидания, накормят их последний раз или отпустят голодными? Усмехнувшись легко читаемым мыслям татар, подполковник вышел перед ними на поляну.

– Вы свободны, как я и обещал. Все вы честно трудились и давно искупили свою вину перед магаданцами за нападение на наш острог. Вы можете прямо сейчас уйти домой, мы доведём вас до Чусовой, дадим на дорогу по ножу каждому. Всё так. – Петро внимательно смотрел на татар, некоторые от его слов опустили головы, сдерживая слёзы на глазах. Всё-таки они были молодые парни, многим едва исполнилось двадцать лет. – Но за два года я убедился, что вы честные, правильные люди. А такие нам нужны. Поэтому, от имени всех магаданцев, предлагаю желающим стать нашими воинами, вступить в нашу дружину. На десять лет, после которых вы сможете вернуться в родной улус богатым человеком, если захотите. Плата будет два рубля за год, оружие, одежда и питание магаданские. Думайте, у вас полчаса.

– Мы просим, командир, принять нас в свою дружину. Кроме Касыма и Давлета, они отправятся в родные края, расскажут о нашей судьбе.

Через полчаса давали клятву верности на оружии и крови татары, бывшие пленники.

С Касымом и Давлетом отдельно побеседовали командиры, предложили уговорить молодых воинов на службу магаданцам. Хоть десять джигитов, хоть сто, всех примут на службу магаданцы. В знак того, что Касым и Давлет действительно могут набирать рекрутов, командиры подарили бывшим пленникам свою золотую двухрублёвую монету. Вечером того же дня татары отправились на подаренной лодке вниз по Чусовой. Как говорил Пугачёв у Пушкина, в «Капитанской дочке», «Миловать так миловать!». А давшие клятву верности бывшие пленники ночевать остались на поляне, хоть и прохладно, но на свободе, в тепло привычной тюрьмы никто не вернулся.

Утром новое пополнение, все двадцать восемь бывших татар, а ныне магаданских дружинников, приступили к тренировке, сразу совместно с опытными бойцами. Пробежка, гимнастика, водные процедуры и завтрак. Затем постройка второй казармы, сразу на полсотни человек, как обычно, по периметру обороняемой территории. Через две недели, когда казарма была закончена, огороженный постройками прямоугольник внутреннего двора почти замкнулся. Со всех сторон двор был закрыт плотно стоящими зданиями, без широких окон наружу. В некоторых домах, в частности мастерских, кузнице, конюшне, казармах, имелись обращённые наружу бойницы, и всё. На холодное время все бойницы запирались, но при необходимости позволяли вести огонь из ружей, не менее десяти стволов на каждую сторону прямоугольника. Все бой-

ницы были на высоте от четырёх до пяти метров, не допрыгнешь с разбега. Да и человек в бойницу не пролезет, даже самый худой.

Впрочем, все подходы к строениям отлично простреливались из пушек, как из острога, так и с башни. Незастроенный въезд на территорию закрыли широченными воротами, окованными железом, поверх которых установили два запасных орудия, на небольшие башенки. Срубы для этих башенок заполнили камнем и шихтой для устойчивости, никакая канонада не расшатает. Пока шли эти оборонные работы по окончательной доводке системы безопасности, как выразился Петро, второй командир побывал в Чусовском Городке, привёз новостей да закупил привычный набор продуктов. На этот раз к муке, зерну, маслу, соли и прочим мелочам добавились тридцать пар сапог, тридцать шапок одной модели для новобранцев. Ещё, по случаю, Павел Аркадьевич закупил трофейных овец, пригнанных с низовьев Камы.

Усмирение черемисов сопровождалось, как водится, безудержным грабежом побеждённых. А у тех несчастных кроме овец и брать нечего, с чего бы им бунтовать иначе? Так что овец не только поели, но и на продажу осталось. Учитывая проблемы с кормом, командир купил десяток овец и одного барана, дай бог, их до весны прокормить. Из-за этих овец пришлось второй раз лодки в Чусовской Городок гонять, саму скотину перевозить, да корм для неё. Хотя по нынешнему урожаю картошки собрали едва не пятнадцать тонн, корма для скотины вполне хватит и своего. Той же картошки, например. Её теперь решили всю зиму использовать на еду, на посадку и так хватит, чтобы вдвое большее поле засадить весной.

С посадочными площадями как раз получалось не очень хорошо. Ровное место на поляне всё было уже расчищено, дальше начинались неудобья и крутые склоны. Пока решили вырубить поляну напротив, на другом берегу реки Ярвы, по оценкам крестьян, года на три работы хватит. На будущее хитрые земледельцы намекали командирам, что неплохо бы засеять часть большой поляны в устье Ярвы, на которой стоит вогульское стойбище. Там и места много, и земля чистая, лес валить не надо. Да и пора на Чусовой себя заявить, соглашались командиры. Надо выходить на широкую дорогу, в тайге не отсидеться. Однако в преддверии будущего нападения Маметкула оставляли выход на берега Чусовой после отражения татарского рейда. Здесь, на Ярве, все оборонительные рубежи готовы, а на Чусовой всё начинать сначала.

Людей же, увы, не хватало. Для уверенной обороны уже выстроенного острога людей недостаточно, куда на большее замахиваться. Петро много раз показывал минимально необходимое для обороны острога количество бойцов. На двадцать орудий оптимальное число пушкарей шесть десятков, по три человека на орудие. Да на каждую стену по десятку стрелков из ружей, это сорок бойцов. И два десятка в резерве и замене раненых. Итого, необходимый минимум сто двадцать сильных обученных мужчин. Это лишь для обороны от татарского набега, если вести речь об уверенном доминировании на Чусовой, и двух сотен бойцов будет мало. До похода Ермака оставалось семь-восемь лет, в его войске казаков будет более тысячи. Смахнут походя магаданцев и не заметят. А то и Строгановы специально натравят на конкурентов. Павел знал, что лет через пять-шесть Иван Грозный дарует Строгановым все земли от Камы до Зауралья, до Кучумовых владений.

К этому времени надо успеть стать сильным союзником, либо уходить. Но куда?

Глава 5

– Продолжай, – государь взглянул на замолчавшего Годунова, – что там, в Перми?

– Строгановы доносят, что нынешним летом черемисы бунтовали, многих людишек побили, гостей торговых по Каме имали и грабили дочиста. От реки Белой вверх по Каме до Орёл-городка все русские деревни разорили. Православных душ погубили тысяч пять, а то и более. – Годунов успокоился и продолжал скороговоркой: – Строгановские охотные люди за православных вступились, тех черемисов разбили. Самых отъявленных злодеев казнили, а остальных били батогами да в веру православную привели. Пленных освободили, на своих землях посадили, тобой, государь, жалованных.

– Вот, выжиги, всё к своей пользе обратить сумели. Государству тягота, а купцам прибыток, – прокомментировал Иван Четвёртый, государь всея Руси. – Дальше давай.

– Ещё доносят, что на Чусовой реке, выше Чусовского Городка, поселились третий год немцы, зовутся магаданцами. Устроили свои заводы, добывают руду, льют железо и пушки делают. Торгуют стеклом разным, посудой и большим, аршинной ширины, стеклянным листом для окон. Веры те немцы православной, приезжали в городок, просили священника себе в часовенку, не дали. Нынче опять торговали, расплачиваться стали своей монетой, из золота, каковую монету прикладываю. – Годунов сунул руку в пояс и протянул на ладони золотую монетку с надписью «Два рубля». – Вот магаданская деньга, государь.

– Точно золотая? – Повертел в руках монетку царь.

– Аптекарю давали, проверял. Бает, золотая монета, токмо с примесями, – подтвердил Годунов, едва не щёлкая каблуками.

– В прошлом годе лекари немецкие поселились на Варварке, не из их будут? – вспомнил государь высоких независимых иностранцев, что приходили два года назад просить разрешения на жительство и работу лекарями. Тогда они дарили бутылки из мягкого стекла, дипломы свои показывали, в прозрачную бумагу обёрнутые. – Как они живут, не безобразничают?

– Нет, батюшка, живут скромно, каждую заутреню отстаивают, больных лечат с молитвою. Жалоб от людишек на них не было, – поклонился Годунов. – Зубы рвут хорошо, не чета нашим зубодёрам, порой даже без боли получается.

– Так они тоже магаданцы? – скривил губы Иван Васильевич, он отлично знал, что Годунов месяц назад у немецкого лекаря зубы лечил. Без боли, за большие деньги. После чего свою жену к лекарке отправил иноземной, да так и возит каждую неделю.

– Может и так, государь, – Годунов не знал, сказать правду или нет, как бы не пришлось лекарей в поруб бросать. Однако понимал, что медлить нельзя, и рискнул. – Слышал я, государь, те лекари тоже из царства магаданского, что далеко на востоке, за Камнем, лежит. Но бают, в дороге сюда всё имущество, коней и людишек утопили в реке, сами еле выбрались. Теперь дорогу назад не знают, потому и в Москве просили поселиться. Велишь, я им ту деньгу покажу, чего и скажут.

– Ты вот что... – вспомнил Иван, как сегодня утром ныли его зубы. – Лекаря того, зубного, ко мне позови на завтра. Пусть посмотрит.

После ухода Годунова царь взглянул сквозь маленькие стёкла свинцового переплёта на Москву, не успевшую отстроиться после страшного пожара 1571 года, когда крымское войско во главе с Гиреем захватило, разграбило и сожгло город. Прошли полтора года, а добрая половина московских домов так и стояла в руинах. Защемило сердце от боли и ненависти, от собственного бессилия. Захотелось всё бросить и уехать к себе, в Коломенское, где нет бояр, ненавидящим взглядом сверлящих его спину, где нет предательства. Впрочем, усмехнулся горько Иван про себя, зачем я обманываюсь. И в Коломенском найдёт меня рука предателя, отравят, как маму. Одна надежда на чужаков да на низкородных выскочек вроде Годунова.

Высокий, статный, с роскошной чёрной бородой, магаданский зубной лекарь Алексей удивил русского царя. Не столько спокойной уверенностью и даже не странной одеждой, не похожей на европейских немцев. В Алексее с первых минут чувствовалось мастерство и невольное, скрываемое превосходство над местными и английскими лекарями, пользовавшимися государя. Поприветствовав Иоанна, магаданский лекарь широко перекрестился на образа православным манером и поинтересовался, где и когда он будет осматривать государя.

– Здесь, в присутствии выборных бояр, – ответил Годунов, вызвавший для наблюдения самых доверенных государевых слуг.

– Тогда прошу всех не удивляться, под руку не кричать, – Кочнев внимательно посмотрел на присутствующих, остановив взгляд на Иоанне. Тот молча кивнул в знак согласия.

Лекарь подвинул к креслу государя ближайший стул, на котором раскрыл свой баул. Из него вынул налобную повязку с зеркалом, надел себе на голову, чтобы зеркало смотрело в глаза государю. Вынул другие блестящие инструменты, при виде которых присутствующие почему-то вспомнили Малюту Скуратова и его заплочных дел мастеров. Кочнев вынул флягу из мягкого прозрачного стекла, попросил Годунова ему помочь и ополоснул водой из фляги свои руки, протерев их мылом, невероятно душистым. Вытер их своим же рушником и нагнулся над государем. Роста лекарь был высокого, потому и нагнулся, кто иной на цыпочки бы встал.

– Открой рот, государь, и скажи, где болело? – Лекарь неожиданно включил настоящее солнце внутри своего зеркала на лбу. От удивления царь зажмурился и пальцем показал на правую щёку. Присутствующие доверенные бояре лишь охнули, только Годунов остался спокойным, такое он видел, когда лечил свою жену. Лекарь внимательно осмотрел рот Иоанна, помогая себе блестящей пластиной и зеркальцем на палочке. Дважды легонько постучал инструментами по некоторым зубам, вглядываясь в глаза Иоанна. Затем выключил яркий свет у себя в налобном зеркале и положил инструменты.

– Один зуб надо удалять, три других попытаюсь вылечить, боли прекратятся, но не надолго, года два-три.

Иоанн вспомнил, как неделю не мог есть из-за больного зуба, и решился:

– Удаляй, прямо сейчас.

Бояре только охнули в испуге, Алексей же невозмутимо принялся за работу. Но к удивлению всех, вынул не щипцы для зуба, а прозрачную стекляшку с тонкой иглой. Совершая непонятные действия, лекарь спокойно объяснял государю и остальным их смысл.

– Это шприц, для снятия боли, сейчас я сделаю небольшой укол в десну рядом с зубом, вот так. Теперь надо немного подождать, пока лекарство подействует. Посиди, государь, я пока расскажу, как надо к зубам относиться, чтобы они меньше болели. Болезни зубов часто возникают из-за остатков пищи, которая прилипает к ним после еды и начинает гнить. От неё же и дурной запах изо рта происходит. Ежели после еды споласкивать рот чистой водой, а не вином, зубы будут целее. Ещё хорошо чистить зубы по утрам и вечерам тряпочкой с растёртым мелом, меньше есть сладостей, избегать холодной ключевой воды в жару. И желательно, государь, полоскать рот специальным отваром, чтобы дёсны не болели. Отвар простой, из коры дуба, нужно полоскать рот, пока отвар горячий, тогда польза больше. Коли захочешь, государь, я много о зубах могу рассказать, но вижу, лекарство подействовало.

Тут изумились все присутствующие, когда лекарь молниеносным движением пошевелил возле царского рта рукой, бросил что-то в эмалированную тарелку, только звякнуло. Затем спокойно положил инструменты и принялся мыть руки, подозвав Годунова. Государь сидел с открытым ртом в напряжённом ожидании, когда немец наконец соизволит заняться делом и вырвет больной зуб. Алексей же вытер руки и сказал:

– Рот можешь закрыть, государь, зуб я вырвал, вот он.

Нет, лекарь не ушёл до вечера, пока десна не перестала кровоточить и государь успокоился, не скрывая восхищения работой иностранного лекаря. С того дня осени 7080 года магаданец Алексей стал придворным лекарем русского государя, Иоанна Четвёртого. Поначалу немец лечил только зубы и дёсны государя, но зимой царь простудился, Алексей помог быстро встать на ноги, снять кашель, удручавший Иоанна после всех простуд месяцами. Учитывая, что за полгода лекарь не обратился к царю ни с единой просьбой, государь его приблизил. Удалил со двора английского лекаря, полностью отдав своё здоровье в руки хоть и немца, но человека православного и умелого.

Приглядывали царёвы люди, однако, за магаданцами в оба. Второй немец магаданский оказался коновалом, весьма искусным, в Москве быстро набрал известность. Да и жена Алексея бабьи хвори лечила, где травами, где своими лекарствами, немецкими. Подозревали их в колдовстве, но все исправно ходили в церковь, крестились и лечили с молитвой. Так и прижились немцы в Москве, медленно, с болью, поднимавшейся после набега крымского хана.

Сняли магаданские немцы свободное подворье, выстроенное вблизи царских палат, дорого, конечно, однако удобно. Да и заработок у лекарей к зиме появился, не только царёво жалованье. Коновал брал дорого, но скотину поднимал на ноги всю, за лечение которой брался. Многим отказывал, разводя руками, мол, лекарства свои утопил в реке, а без них не может лечить. Женой у Влада, коновала, сказала Жанна, сестра Алексея, баба с причудами, но безвредная. Любила рисовать московские улочки, леса и поля. Иным парсуну рисовала, однако после благословения священников. Тоже ходила в церковь, колдовскими наговорами не баловалась, хоть и подсылали к ней бояре дворовых людишек с просьбой навести порчу. Смеялась на такие предложения Жанна, одним словом, с придурью баба.

Наталью же народ быстро признал за свою, баб она пользовала умело: и от простуды, и от живота, от женских болезней. Лечила детей, многих деток спасла, буквально со смертного одра подняла. Народ московский уважал лекарку Наталью, тем паче она за лечение брала побожески, последнее с родителей не снимала. Да и лечила строго с иконой, с молитвой, а к весне завела себе двух помощниц, из инокинь Девичьего монастыря. Настоятельница она боли в спине облегчила, та и благословила инокинь на подвиг.

Глава 6

– Надо на север подаваться, к Белому морю, купить у корабелов коч, загрузить его шкурами да махнуть в Амстердам или Копенгаген. Там с одного раза можно озолотиться. – Николай осторожно глотнул горячего настоя девясила, отлично бодрящего напитка. – Знающие люди говорили, за месяц можно легко добраться до Англии из Архангельска. Ну, за два, самое большее.

– Озолотимся, а дальше что? – Петро задумчиво смотрел в окно, на качающиеся по ветру огромные лиственницы. – Для России какая польза? Царю Ивану все деньги отдать? Так после завоевания Сибири Русь сто с лишним лет была богаче всей Европы, вместе взятой, включая американское золото. И что, помогло это нам? Нет, если судьба или господь бог закинули нас в прошлое, надо принести реальную пользу Родине. Наверняка есть решение, только какое?

– Я полагаю, в Европу выходить всё равно нужно, – осторожно начал Павел Аркадьевич, рассматривая лежащую на столе карту Европы, за каковую сейчас те же англичане заплатили бы любые деньги. – Давайте рассуждать логически. Политика ближайшие столетия будет делаться в Европе. Попасть в Европу, минуя Москву, мы можем по двум направлениям. На юг, по Каме в Волгу и далее, в Каспий. Оттуда путь в Европу через Турцию и всё Средиземноморье. Даже если мы проберёмся живыми, нас обдерут как липку, сперва в Казани, затем в Астрахани, остатки заберут турки, и, куда потом идти? С голым задом в Америку плыть?

– С этой стороны, северный путь предпочтительнее, хотя и сложнее, – спокойным голосом продолжал географ. – К Северному Ледовитому океану можно добраться аж тремя способами – по Оби, по Печоре и по Северной Двине. А из океана нам все пути открыты, в любую страну Европы и Америку, нужно лишь построить или купить морской корабль и вооружить его. Обь можно не рассматривать серьёзно, Обская губа часто забита льдом, а нам нужна постоянная навигация. Кроме того, на пути в Обь будут кучумовские отряды, пробиваться придётся с кровью. Остаются Печора и Северная Двина. Сейчас предпочтительнее Северная Двина, по которой можно сплавиться до Холмогор и Архангельска, где заказать морское судно, купить его, или нанять вместе с командой. Не знаю, что предпочтительнее. В устье Печоры никаких поморов нет, морской корабль там придётся строить самим. Сможем ли? Если сможем, то сколько продлится постройка и кто станет капитаном? Кроме того, русские на Печоре лет пятьсот живут, Пустозёрск уже выстроен и устье реки прикрывает. Земли по Печоре русский царь считает своими, поселиться нам там не дадут, не то что корабль построить.

– Через Москву-то почему нельзя в Европу до-ехать? – искренне удивился автомеханик Володя.

– Сейчас идёт Ливонская война с Польшей и Литвой, в Прибалтике Россия воюет практически против всех тамошних мелких князьков и Ливонского ордена, да и Швеция вступила в эту войну, против России, разумеется. Южнее взять, упрёмся в Запорожскую Сечу, ограбят обязательно. Ещё южнее – та же Турция получается. Да и через Москву придётся много по суше добираться, долго, дорого и всё железо с оружием придётся оставлять. Кроме того, оружие вполне могут царские слуги отобрать, под предлогом военных действий.

– Понятно, – мотнул головой Петро, – выбора практически нет, и, мы согласны, начинать нужно с Белого моря. А дальше?

– Не знаю, – развёл руками географ. – Давайте думать вместе.

– Мужчины, – вмешалась в разговор Нина, подруга Павла, давно переселившаяся к нему в комнату. – Мужчины, сделайте перерыв, отведайте солёных рыжиков с картофельным пюре.

– Хорошо, – согласился Петро, – вернёмся к разговору о цели позже. Пока предлагаю сосредоточиться на ближайших задачах – оборона от Маметкула, увеличение нашего гарни-

зона до двух-трёх сотен бойцов как минимум. Захват инициативы на реке Чусовой и поиск путей к поморам, чтобы нанять или купить океанское судно. Я правильно сказал, согласны?

– Да, – дружно кивнули мужчины, глядя, как Нина заносит тарелки.

Пищу принимали спокойно, вдумчиво, без разговоров и суеты. Соскучились парни по картошке, два года, почитай, не ели, всё мясо да мясо. Сегодня Нина расщедрилась, целый каравай хлеба нарезала к столу, хоть и ржаной, серый хлебushko, но какой ароматный! На самодельных угловатых тарелках из мутного стекла, в небольших розетках, более позднего изготовления, потому гораздо изящнее, лежали дары уральской природы. Красная икра пробойная, мороженая брусника, слабосолёная форель со льда, солёный хариус, маринованные опята. Завершал пиршество утончённого вкуса двухлитровый стеклянный же кувшин с сухим вином из красной рябины.

Производством вина из подмороженной первыми заморозками красной рябины занялся Володя, автомеханик. Человек простой, надёжный и незамысловатый. Рецепт же вина из подмороженной, сладковатой рябины был старым как мир, его ещё Володин дед знал, собирая вместе с внуком по первому снегу алые гроздья в зимнем лесу. Вот внучок его и вспомнил, когда исчезли винные магазины, а сахара не стало совсем. Без сахара, который в перемолотую рябину нужно было всё-таки добавлять, вино вызревало очень кислым, но с градусами. Из него же и уксус делали, отложив пару бутылей до лета, неплохой уксус вышел. Третий год мужское население острога зимовало с напитком Володиного рецепта, с каждым разом увеличивая заготовки красной рябины по осени. В этом году, дополнительно к рябине, экспериментаторы зарядили на брожение малиновой закваской пять ведёрных бутылей с калиной, три бутылки с чёрной смородиной и, по рекомендации биолога Алевтины, две бутылки со сладковатым корнем солодки, перемолотым и залитым водой.

Но истинным украшением стола была бутылка с подсолнечным маслом, двадцать литров которого впервые получили из семян подсолнуха, неплохо размножившегося за два лета. Супротив подсолнечника льняное и конопляное масло у магаданцев абсолютно не котирировалось, по привычному для магаданца продукту скучали, пожалуй, больше, чем по хлебу. Или где-то в равной степени как минимум. Всем этим роскошеством, кроме вина, разумеется, завела Нина, прочно занявшая в общине место главной хозяйки. Туда она включила обязанности не только шеф-повара, но и кладовщика продуктовой кладовой. Даже при отсутствии запоров на многих дверях все магаданцы спрашивали разрешения Нины на выдачу продуктов. И в обязательном порядке отчитывались перед ней.

– Павел Аркадьевич, – заулыбались гости, – ты нас балуешь, право слово.

– Увы, друзья мои, увы, – не улыбнулся хозяин, помрачнев лицом. – Ужин наш, скорее, прощальный в таком составе. Ибо суждено нам завтра расстаться, как в песне «Дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону». Прощу, подполковник, ваше слово.

– Значится так... – Встал Пётр, взяв стакан с сухим вином в руки, долго смотрел на него, собираясь с мыслями. – До нападения царевича Маметкула, как мы знаем из истории, остаётся полгода. Точно известно, что он придёт из Сибири по Чусовой, не раньше июня – июля будущего года. Нам нужно не просто отбиться, мы сделаем это при любой численности орды, хоть пять тысяч татар. Нам нужно захватить максимум трофеев и пленных, да так, чтобы об этом знали все уральские общины. Как минимум ближайшие соседи. Проще говоря, нужен мощный пиар. Для этого мы трое – я, Николай и Анатолий – отправляемся по соседним селениям, вербовать хотя бы одного-двух добровольцев от каждого стойбища на один год.

– Зачем? – удивился Володя, автор сухого вина. – Нам своих бойцов хватит, новичков ничему обучить не успеем.

– И не надо их учить. Новички своими глазами увидят разгром Маметкула, разнесут об этом вести по всем окрестностям. Мы заработаем огромный авторитет, получим приток вогульских добровольцев и хорошее отношение аборигенов. – Подполковник поднял стакан. –

Выпьём за удачу, вот так. Авторитет среди аборигенов нам необходим для выстраивания логистики. То есть удобной и безопасной дороги от Ярвы до Белого моря.

– Это не всё, – продолжил разговор Павел Аркадьевич, уже сидя, – с завтрашнего дня начинаем работы по изготовлению радиоприёмников и передатчиков. Оказывается, в наших рядах скрывается инженер-радиотехник и его четырнадцатилетний сын, радиолюбитель. Стеклодувы полностью переходят в подчинение радистов. Кузнецы готовят волоочильню для вытяжки медного провода, для фильер пойдёт платина, чтобы не быстро изнашивалась. Надежда уже подобрала смесь для изоляции провода, подростки займутся добычей живицы, если зимой смола не пойдёт, то будут цедить её с весны. Одновременно к середине лета оружейники подготовят два десятка пушек в передвижной комплектации, к ним тысячу снарядов. Две трети из них с картечью.

– Однако, – выдохнули многие из приглашённых гостей.

– Да, планы огромные, – согласился хозяин. – Но не более того, что мы уже сделали. Вспомните, с чего мы начинали, без оружия, без жилья, без денег. Выпьём за достигнутое!

– Ура, – вполголоса прохрипели мужчины, сдвигая стаканы. Они гордились тем, что сделали за два года, гордились собой, своими близкими, своей силой и волей. Эти мужчины не лежали на диване, не пили пиво перед телевизором. Эти мужчины работали, учились, воевали, защищали своих детей и женщин. Они сделали многое и смогут ещё больше, смогут всё!

Ранним морозным утром конца декабря 1572 года, в тёмных предрассветных сумерках стражники на воротах острога выпускали караван из трёх саней. Дружинники, что сменились час назад, не успели продрогнуть в тёплых полушубках. Они с интересом рассматривали, кто куда направляется. На одних санях Николай с Ваней сворачивал налево, к верховьям Ярвы. В места знакомые, продать кое-какой товар да разведать переходы к северным рекам, если удастся, проверить дорогу к притокам Печоры. Петро с двумя дружинниками и Толик с помощниками спускались по Ярве вниз. Там их пути разойдутся: Петро повернёт в верховья Чусовой, а сыщик свернёт в сторону Камы. Агитировать против Маметкула там особо некого, много русских селений и земли строгановские. Но именно туда двигался помощник и супруг главного химика, в надежде раздобыть в районе будущих Березняков несколько пудов кальвинита.

Надежда ещё осенью предостерегла командиров, что запасы селитры не бесконечны. Все обнаруженные пещеры вычищены, будут ли ещё находки, неизвестно. Без селитры поселенцы рискуют остаться безоружными, порох и азотную кислоту получать будет не из чего. Самим производить ямчуг, как его называют нынешние русские, дохлый номер. Для возникновения селитры нужно время и большое количество животных отходов, навоз к примеру. При мизерной численности конского поголовья и самих магаданцев выхода селитры естественным путём не хватит даже на ложку пороха. Тут же, предупреждая панику среди командиров, главный химик предложила достать кальвинит, которого с двадцатого века в Березниках добывают огромное количество.

Из этого сырья Надежда обещала изготовить другую взрывчатку, более мощную, чем порох. Главное же, договориться на поставки кальвинита, тогда военная безопасность магаданцев гарантирована. Потому и отправлялся на добычу кальвинита Анатолий, что жена рассказала ему все признаки минерала, его внешний вид и возможные места добычи. Сыщик помимо денег вёз с собой ассортимент всех товаров, производимых в остроге, чтобы заинтересовать местных жителей в добыче стратегического сырья. Конечно, и задачу пиара никто не отменял, приглашать русских на реку Ярву сыщик будет, напоминая, что земли там не царские и не строгановские, церковной десятины нет, налогового тягла первые пять лет не будет, рай на земле, а не жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.